

ЛИДИЯ.

Романъ

Низерн.

Переводъ В. Крестовскаго (псевдонимъ).

I.

На площади толпилась масса любопытныхъ, преимущественно женщинъ. Всѣмъ хотѣлось поглазѣть на аристократическую свадьбу. Невѣсту одни знали лично, другіе по наслышкѣ.

Семейство очень извѣстное. Старики помнили Джованни Коломбо, мелкаго купца, торговавшаго холстомъ. Сынъ его, Джузеппе Коломбо, поставилъ дѣло уже на широкую ногу. Потомъ этотъ Джузеппе Коломбо сдѣлался «синьоромъ Коломбо», кончилъ торговлю и сталъ жить богато. «Синьоръ» Коломбо былъ человѣкъ очень ловкій и изворотливый, не пренебрегалъ ничемъ и черезъ нѣсколько лѣтъ при помощи различныхъ уловокъ нажилъ громадное состояніе.

Въ своемъ щекотливомъ положеніи синьоръ Коломбо, человѣкъ тонкій и практическій, умѣлъ устроиться такъ, что не задѣвалъ никого: съ важными господами онъ добрый малый, какъ будто извиняющійся, что вмѣшался въ ихъ кругъ; съ бѣдными онъ щедръ, кошелекъ его открытъ для всѣхъ. Онъ сталъ силой. Многіе потомки крестоносцевъ обходились съ нимъ, какъ съ равнымъ, явною снисходительностью маскируя смиреніе побѣжденныхъ. И вдругъ, неожиданно, быстро, сбивая всѣ догадки, синьоръ Коломбо былъ сдѣланъ графомъ.

Въ интимныхъ кружкахъ, въ душевныхъ бесѣдахъ, надъ этимъ графствомъ подсмѣивались; но Коломбо былъ непроницаемъ; онъ еще щедрѣе сыпалъ деньги направо и налѣво, женилъ

единственного сына на знатной дѣвицѣ-безприданницѣ и, такимъ образомъ, породнившись съ настоящими, родовыми графами, проникъ въ среду высшаго общества. Передъ нимъ отворились всѣ двери. Онъ былъ настолько философъ, что не прислушивался, скрипятъ ли эти двери, или нѣтъ.

Но самую тонкую дипломатическую ловкость выказалъ онъ, заставивъ общество примириться со своею женой. Графиня Коломбо была еще страннѣе своего мужа. Явилась она неизвѣстно откуда и положительно могла считаться самою безобразною изъ всѣхъ синьоровъ, что катаются, раскинувшись на подушкахъ, въ коляскѣ. Когда она входила въ гостиныя, другія дамы инстинктивно отдалялись, отворачивались отъ этого пошлаго лица, еще болѣе смѣшнаго среди перьевъ и брилліантовъ.

Мужчины посматривали на нее насмѣшливо и въ полголоса повторяли скандальные анекдоты изъ ея прошлаго. Она, непоколебимая, сильная захваченнымъ положеніемъ, зная силу мужа, зная по опыту слабость всякой души человѣческой, проходила спокойно, ничего не слушала, пустоты кругомъ себя не замѣчала, садилась, оправляла свое бархатное платье и ждала.

И всегда подходила къ ней какая-нибудь дама изъ незамѣтныхъ, какая-нибудь простодушная особа здоровалась съ нею, мужчины вдругъ дѣлались серьезными и почтительно спѣшили засвидѣтельствовать свое почтеніе графинѣ, которая не мстила никому. Она встрѣчала всѣхъ по-своему, мѣщански - радушно, шумно, безтактно. Въ этомъ обществѣ ей не удалось завоевать себѣ мѣста; время отъ времени у нея бывали свои битвы; она побѣждала, довольствуясь немногимъ.

Въ послѣдніе годы она принялась играть; эта страсть, завершая рядъ ея прежнихъ страстей, поглощала ее всецѣло. Она несла къ карточнымъ столамъ всѣ порывы, которые когда-то разрушили ея красоту; что-то неудовлетворенное, сжигающее сверкало въ ея глазахъ, вырывалось въ ея движеніяхъ; когда она тасовала карты, то вся дрожала, будто ставкою была ея жизнь.

Во дворъ марш, впереди всѣхъ, въѣхала карета невѣсты; лакей отворилъ дверцу; нѣсколько господъ выскочили изъ другихъ каретъ и окружили первую. Мелькнуло облако кружева, мелькнуло, будто видѣніе, и исчезло.

По недоразумѣнію, въ тотъ же часъ была назначена другая свадьба и пара брачующихся явилась, извиняясь, что замедляетъ

церемонію: люди изъ простыхъ; времени у нихъ въ обрѣзъ. Графъ Коломбо, вѣрный принципу, которымъ упрочилъ свое благосостояніе, ни за что не захотѣлъ пользоваться первенствомъ, уступилъ его бѣднякамъ и, сидя съ друзьями и родственниками въ залѣ, смежной съ брачною, ожидалъ своей очереди, какъ простой смертный. Онъ весело разговаривалъ съ синдикомъ, покуда въ отворенную дверь не послышался голосъ секретаря, который читалъ протоколъ, а строгій ассессоръ, казалось, считалъ минуты.

— Слѣдовало бы имѣть двѣ свадебныхъ залы!—вскричала одна герцогиня, правнучка крестоносцевъ.

Графъ Коломбо наклонился къ ней, тонко и лицемерно улыбаясь.

— Какъ на желѣзно-дорожныхъ станціяхъ. Вы совершенно правы... Но законъ одинъ для всѣхъ.

— Сію минуту...—тихо, сказалъ синдикъ.

По благородному кружку будто пробѣжало электричество.

— Въ первый разъ въ жизни дожидаюсь!—сказала герцогиня.

Въ глубинѣ залы графиня Коломбо оживленно разговаривала съ старымъ, подкрашеннымъ господиномъ. Ея очи метали пламя.

— Американская игра называется *покеръ*... Вотъ какъ-нибудь вечеромъ я вамъ покажу...

Тереза Коломбо (въ семьѣ ее называли Теа) и Фридрихъ фонъ-Штернъ сидѣли на красныхъ бархатныхъ креслахъ и серьезно слушали статьи закона.

Только двѣ дѣвушки не сѣли рядомъ съ другими на мѣстахъ, назначенныхъ для публики, и стояли, почти прячась за драпировки у дверей залы, гдѣ ожидали. То были Костанца-Джеронима, дочь маркизы Аримонти, и истинный другъ ея, Ева Сеймуръ.

Прелестная Ева, вся въ бѣломъ, непринужденно прислонилась головой къ стѣнѣ, отъ чего ея античная фигура казалась еще очаровательнѣе. Костанца, немного холодная, съ правильными аристократическими чертами, въ простомъ серебристомъ платьѣ, стояла подлѣ подруги, разсѣянная, какъ человѣкъ, который чувствуетъ себя не на мѣстѣ.

— Теа сегодня счастлива.

— Ты думаешь?

Онѣ переглянулись.

— Для тебя,—продолжала Ева своимъ бархатнымъ голо-
сомъ,—для тебя счастье найти нелегко.

— Нелегко. У меня есть девизъ, знаешь?

— Девизъ Аримонти?

— Девизъ Костанцы-Джеронимы: *Все или ничего*.

Она выговорила это тихо, но гордо, и ея глаза засвѣтились.

— И у меня есть девизъ,—сказала тихо Ева:—*Быть лю-
бимой*.

Костанца подумала, кивнула головой и возразила быстро и
увѣренно:

— Мало.

Ева не отвѣчала и опять прислонилась къ стѣнѣ, устремивъ
свои глаза въ пустое пространство. Хотя общее вниманіе при-
влекала невѣста, но нѣсколько мужчинъ заглядѣлись на Еву.

Прислоненная къ стѣнѣ, неподвижная, она казалась картиной
Джорджоне. У нея были свѣтлые бѣлокурые волосы и огромные
черные нѣжные глаза. Волнистая линія головы, плечъ, стана
была изящна въ совершенствѣ. Отъ ея лица, отъ всей фигуры
вѣяло чистотой, счастьемъ, спокойствіемъ и какою-то удивитель-
ною соразмѣрностью во всемъ.

Подруги продолжали молчать; вдругъ въ толпѣ мелькнула не-
обыкновенная розовая шляпка.

— Лидія!—вскрикнула Ева.

Изъ-подъ полей этой задорно - высокой шляпки раздался
смѣхъ.

— Ты опоздала, уже кончено.

— Дядя не хотѣлъ... Я просила, просила...

— Ты, по крайней мѣрѣ, не показывайся въ своей шляпкѣ,—
всѣ станутъ оглядываться.

— Вы не хотите, чтобъ я смотрѣла, а вы-то что тутъ дѣ-
лаете, за занавѣсками?

Ева отвѣчала ласково и таинственно:

— Сообщаемъ другъ другу наши девизы.

— У васъ есть девизы? Какіе же? Это интересно!

— Девизъ Костанцы: *Все или ничего*, а мой—*Быть лю-
бимой*. Какой тебѣ больше нравится?

Шалунья улынулась и поправила шляпку.

— Не знаю, право. Одинъ слишкомъ серьезенъ, а другой—
сантименталенъ.

— Ты себѣ какой придумаешь?

— Надо подумать.

— Девизъ долженъ выражать всѣ твои понятія, всѣ стремленія, понимаешь?

— А если такъ, извольте: *Забавляться!* Хорошо?

Бостанца отступила назадъ, почти возмущенная. Ева слегка, матерински, ударила шалунью по пальцамъ.

— Хорошо, что никто тебя не слышалъ.

— А еслибъ и слышали? — живо возразила Лидія. — Развѣ не всѣ хотятъ того же?

Церемонія кончилась. Синдикъ рассыпалъ во всѣ стороны улыбки, рукопожатія, поздравленія; посторонняя публика расходилась, зала пустѣла. Двинулись и новобрачные, но опять попали въ толпу, которая нетерпѣливо ждала во дворѣ.

Бостанца сѣла съ своею матерью въ закрытую карету.

— Ты въ своей каретѣ? — спросила Ева Лидію.

— Нѣтъ.

— Такъ хочешь ѣхать со мной? Мы не въ свадебномъ поѣздѣ, не на службѣ у родственниковъ, какъ бѣдная Бостанца... Отецъ, не правда ли? Позволь мнѣ, отвеземъ Лидію домой.

Баронетъ Сеймуръ былъ старикъ и казался дѣдомъ своей дочери, но, видя ихъ вмѣстѣ, всѣ находили, что они — удивительная пара. При сѣдинахъ, у него сохранилась строгая античная красота; она, въ золотыхъ кудряхъ, сіяла, какъ вѣчно юная богиня. Въ обоихъ виднѣлись сила и спокойствіе англосаксонской расы; только глаза дочери сверкали огнемъ юга, — то было наслѣдство ея матери.

Почти до сорока лѣтъ сэръ Эдвардъ Сеймуръ еще ни разу не испыталъ чувства любви, да ему и некогда было думать объ этомъ, — вся молодость его прошла въ научныхъ трудахъ или путешествіяхъ. Море, неотвязная любовница, Армида, не выпускающая своихъ плѣнниковъ, влекла его къ себѣ постоянно. На палубѣ корабля, въ звѣздныя тропическія ночи, Сеймuru не грезились женщины... Но однажды зимой въ Неаполѣ онъ встрѣтилъ бѣдную дѣвушку, учительницу, и полюбилъ въ первый разъ. Онъ былъ одинъ на свѣтѣ, безъ сословныхъ предразсудковъ, и женился. Черезъ годъ она умерла.

Въ первые дни онъ едва не обезумѣлъ; понемногу отчаяніе перешло въ тихое, постоянное горе. Онъ не уѣхалъ больше изъ Италіи, переноса изъ города въ городъ свою скорбь по обожае-

мой женщинѣ. Съ нимъ постоянно видѣли ангела-дѣвочку, всегда одѣтую въ бѣломъ. Въ сердцѣ баронета начала возрождаться новая любовь, на половину пережъшанная со скорбнымъ воспоминаніемъ о прошломъ, навѣки утраченномъ счастьѣ.

II.

«Пишу тебѣ на-скоро, милая Ева. Мнѣ не хочется, чтобъ до тебя дошли слухи въ извращенномъ видѣ. Наша Лидія надѣлала чудесъ, по своему обыкновенію. Между недостатками ея воспитанія есть одинъ: ея мать,—знаешь, какъ она беззаботна и лѣнива?—тяготится обществомъ „своего чертенка“ и позволяетъ ей уходить, куда она хочетъ, одной, подъ предлогомъ, что „можно, деревня“. Донъ Леопольдо, очень справедливо, желаетъ тоже отдохнуть отъ должности наставника-наблюдателя, и Лидія, въ коротенькой юбочкѣ, въ соломенной шляпочкѣ, скачетъ по доламъ и горамъ аркадскою пастушкой. На видъ ей никакъ не дашь шестнадцати лѣтъ, и до нѣкоторой степени становится понятно, что ее въ прошломъ году называли «бѣби».

«Гуляла она по берегу озера, около заливчика, гдѣ крестьянки полощатъ бѣлье. Тамъ была одна старуха и съ ней внучекъ, лѣтъ трехъ. Какимъ-то образомъ ребенокъ свернулся и—въ воду, съ головой, а потомъ вдругъ опять появился, но уже далеко. Старуха кричитъ, въ отчаяніи, ничего сдѣлать не можетъ; рыбаки на другомъ берегу, не понимаятъ, что случилось. Наша Лидія въ секунду снимаетъ съ себя долой платье и бросается въ воду... Пойми, я только изъ приличія говорю *платье*... Рыбаки поспѣшили, приплыли.

«Вся наша милочка видна въ этомъ поступкѣ; объяснять нечего. Но и сказать тебѣ не умѣю, какъ злословятъ въ Бельджирате, какія сплетни составляются насчетъ Лидіи.

«Всѣхъ больше страдаетъ донъ Леопольдо. Дворянинъ стараго закала, онъ придерживается аристократическихъ привычекъ и вообще деликатенъ до щепетильности; для него, послѣ чести, выше всего вопросъ о формѣ и приличіи.

«Жалки всѣ они трое, принужденные жить вмѣстѣ и такъ мало похожіе другъ на друга. Между матерью и дядей Лидія мечется, какъ челнокъ на волнахъ. Донъ Леопольдо видитъ многое, но сказать невѣсткѣ—значить дать ей понять, что она не занимается дочерью. Онъ дѣлаетъ, что можетъ, провожаетъ ее въ гости

къ ея пріятельницамъ, скромно-археологически, остроумно рассказываетъ ей воспоминанія своей юности; разсуждаетъ съ нею о статьяхъ *Revue des Deux Mondes*, которую выписываетъ тридцать лѣтъ подрядъ. Онъ, можетъ быть, уменъ, но его, какъ меньшаго сына знатнаго семейства, всегда держали въ тѣни, на второмъ планѣ.

«О, какъ они падаютъ вокругъ насъ, эти славные дубы, которые оставили намъ преимущество благороднаго рожденія, достоинства, величія духа!

«Не знаю... Не могу оторваться отъ того, что нынче называютъ предразсудками. Я смотрю на нихъ иначе,—не съ точки зрѣнія нынѣшней пошлости,—я смотрю, какъ они родились, крѣпкіе, непобѣдимые. По моему понятію, *аристократія*—синонимъ всего высшаго и чистѣйшаго, и я горжусь, что принадлежу къ кастѣ, которая *обязана* подавать примѣръ добродѣтели и доблести...

«Ты скажешь, что слишкомъ много противныхъ примѣровъ разбиваютъ это воображаемое превосходство. Правда. Но когда благочестивые люди дѣлаются атеистами *только* потому, что бываютъ дурные священники, то мнѣ кажется, что у этихъ благочестивыхъ людей и раньше не было вѣры...

«Что сказать о себѣ? Тоскую, и только. Почему тоскую—мудрено объяснить. Крестьяне зовутъ меня *маркезиной*, видятъ, что я молода, здорова, богата, и, конечно, полагаютъ, что я блаженствую. Но чѣмъ больше я вглядываюсь въ жизнь, тѣмъ яснѣе понимаю, что блаженство не создано для меня или я для него... Можетъ быть, и такъ.

«Помнишь день свадьбы Теа? Какая печальная свадьба! А, однако, всѣ довольны. Теа пишетъ изъ Вѣны, что совершенно счастлива, а ея маменька, тасуя карты, провозглашаетъ себя счастливѣйшею изъ матерей... Я не выйду замужъ; это вѣрно.

«Я требую отъ любви слишкомъ многого, неосуществимаго. Можетъ быть, въ какомъ-нибудь уголкѣ вселенной, далеко,—а, можетъ быть, и близко,—живетъ «человѣкъ моихъ мечтаній», идеаль Іоланды... Но она, Іоланда, удовлетворилась искателемъ приключеній. Нѣтъ, девизъ Костанцы-Джеронимы «Все или ничего». Я не пойду замужъ.

«Но жизнь пуста безъ любви. Отъ недостатка любви люди дѣлаются хуже. Солнце, говорятъ, все охлаждается понемногу и земля умретъ, когда больше не станетъ тепла. То же и съ людьми въ нашемъ обществѣ: въ душѣ у всѣхъ что-то холодѣетъ.

«Вчера я сидѣла у открытаго окна своей комнаты; налетѣла гроза. Подъ бѣшенными порывами выли, крутились деревья; струи огня перерѣзывали черное небо; горячее дыханіе вихря колебало тяжелый воздухъ.

«Вдругъ на пыльную листву упали первыя капли и продолжали падать, чистыя, блестящія, свѣжія. Меня охватило восхитительное спокойствіе. Дождь шумѣлъ, заливалъ садъ, поле, дальше, чѣмъ глазъ могъ окинуть... Чувствовалось какое-то облегченіе, будто съ земли смывались всѣ печали, съ людей— всѣ преступленія...

«Люблю я деревню, свободу, уединеніе, — милое уединеніе, которое заставляетъ думать, — не потому, чтобы я не любила людей; напротивъ, мнѣ кажется, что съ такими, какъ я, мнѣ жилось бы лучше... Но я ни на кого не похожа или, вѣрнѣе, я похожа на людей, жившихъ встарь и теперь забытыхъ своими потомками...

«Иногда я спрашиваю себя, не тѣнь ли я какой-нибудь древней владѣлицы замка, какой-нибудь моей прабабушки... вотъ, той Джеронимы, чье имя я ношу съ такою гордостью, чей портретъ виситъ надъ моею постелью? Мать позволила мнѣ взять его сюда за мою любовь къ героинѣ, моей теткѣ.

«Я знаю, надо мной смѣются и за это, и за то, что отдаляюсь отъ общества, меня называютъ затворницей и ханжой, говорятъ, что мой *аристократизмъ*—притворство, аффектація. Иѣтъ, неправда, я искренно терпѣть не могу всего, что сверкаетъ, трещитъ, толкается, — модѣльнаго золота, модѣльной добродѣтели, купленныхъ титуловъ; а такъ какъ вижу, что все это растетъ, выступаетъ впередъ, захватываетъ наши дома, наши семейныя убѣжища, я отдаляюсь, я ухожу... Не знаю, чѣмъ бы я ни пожертвовала, лишь бы не обниматься съ графинями Коломбо!...

«Хочешь ли знать исторію моей прабабушки?

«Въ концѣ семнадцатаго вѣка Джеронима, изъ рода маркизовъ Аримонти, двадцатилѣтняя богатая красавица, жила очень одиноко. Ея мать не отличалась строгостью своего поведенія, бабка тоже, и въ современныхъ запискахъ говорится объ одной Аримонти, которая была замужемъ за французскимъ дворяниномъ и при Людовикѣ XIV оспаривала владѣчество у Ментенонъ.

«Нехорошее стояло время для женщинъ моего семейства, но чистая Джеронима не имѣла ни о чемъ понятія. Она росла въ далекомъ замкѣ, не зная черноты и злобы свѣта, работала,

играла на арфѣ, охотилась подъ защитой стараго сокольничьяго, была добра и щедро одѣляла всѣхъ окрестныхъ бѣдняковъ.

«Ее полюбилъ молодой человѣкъ изъ знатнаго и вліятельнаго семейства; она тоже отвѣчала любовью и все, казалось, шло къ счастливому концу. Но когда молодой человѣкъ объявилъ своей матери, что хочетъ жениться, старая генуэзская княгиня рѣшительно возстала. Все было напрасно—просьбы, молебны: княгиня объявила, что не приметъ въ свой домъ невѣстки изъ дома Аримонти.

«Невинная Джеронима преклонила предъ гордою обидой. Какъ должна была она страдать за чужой позоръ! Какъ велика, священна казалась ей необходимость смыть пятно съ своего рода! Молодой человѣкъ любилъ ее безъ мѣры, хотѣлъ жениться противъ воли матери, но гордая дѣвушка не могла и подумать, что ее выгонять изъ дома или будутъ только терпѣть тамъ, куда она имѣла право войти, высоко поднимъ голову...

«Разставаніе несчастныхъ было ужасно. Съ того дня Джеронима отказалась отъ свѣта, благородно отомстивъ этимъ женищину, которая ее опозорила. Она осталась навѣки въ своемъ замкѣ, окруженная больными, раздавая все, что имѣла, наконецъ, обратила самый замокъ въ монастырь и умерла его настоятельницей... Нужна была жертва цѣлой жизни, чтобы возстановить добрую славу дома Аримонти.

«Прошло почти два вѣка. Мнѣ все кажется, что чистота Джеронимы съ высоты свѣтитъ надъ нами...

«На портретѣ, что надъ моею постелью,—бѣлокурая дѣвушка. Она не совершенная красавица, но если оживить жизнью эти голубые глаза, этотъ высокій лобъ, эти блѣдныя губы, вдохнуть душу Джеронимы въ холодное изображеніе — оно будетъ очаровательно».

III.

Въ гостиной, скупо освѣщенной масляною лампой, донъ Леопольдо стоялъ, прислонясь къ камину.

Онъ былъ во фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ; палевыя перчатки лежали на дощечкѣ камина. Платье сидѣло нѣсколько мѣшковато на его худощавомъ тѣлѣ, но благородная, непринужденная осанка исправляла этотъ недостатокъ.

На спокойномъ лицѣ дона Леопольдо не выражалось ни малѣйшаго нетерпѣнія. Уже много лѣтъ привыкъ онъ жить для

другихъ, взявъ на себя обязанность всюду сопровождать невѣстку, вдову своего брата. Но теперь онъ готовился везти свою племянницу, Лидію, на ея первый балъ, и, сохраняя внѣшнее спокойствіе, внутренне волновался. Онъ чувствовалъ, какъ важенъ первый шагъ въ свѣтъ для дѣвочки, любимой и всѣми избалованной; за всѣ свои достоинства эта дѣвочка не найдетъ въ обществѣ безграничнаго снисхожденія матери и дяди...

Снисходительный донъ Леопольдо видѣлъ все и все понималъ. Отъ его тонкаго чутья не скрывались недостатки этого огневого нрава; этому нраву была нужна узда. Но мать ничего не видѣла, не понимала. Богатая буржуазка, романтическая, лѣнивая, она освоилась съ аристократическою средой, но не прониклась ея правилами. Она была недальновидна, уживчиво-добра, полудобродѣтельна, — впрочемъ, на ея добродѣтель никто не дѣлалъ серьезныхъ нападеній. Она жила въ своихъ креслахъ, читала романы, цѣловала дочку всякій разъ, когда та случалась близко, и безъ труда завоевала титулъ нѣжной матери.

Портьера вдругъ распахнулась и Лидія влетѣла въ гостиную, какъ ракета.

— Смотри, дядя!

Она говорила, заранѣе увѣренная въ эффектъ. Донъ Леопольдо еще не очнулся отъ своихъ видѣній и медлилъ отвѣтомъ.

— Смотри же, хороша я?

— Да... да... Хороша.

— Какъ ты это говоришь! Что ты задумался?

Мысли дона Леопольдо были далеко, но, все-таки, онъ добродушно отвѣтилъ:

— Ты, какъ всегда, миленькая.

— Отлично! Какъ будетъ весело!

Она не была красавицей, какою себя воображала и, можетъ быть, казалась снисходительнымъ глазамъ дяди. Она была, какъ говорится, *пикантна*, оригинальна, невысока, стройна, съ изящными руками и ногами. Головка ея съ впалыми висками глядѣла умно; глаза огромные и веселые; вздернутый носикъ, насмѣшливыя губки, — все неправильно, но гармонично, одно къ одному. Непроколотыя уши казались между волосъ розовыми раковинами. Волосы ея были темные, но отъ завиванья, пудры, духовъ, растительнаго масла они принимали отливъ каштановыхъ и бѣлокурыхъ, мѣняясь по днямъ и часамъ. На этотъ разъ Лидія капризно разсыпала ихъ воздушными волнами, подхвачен-

ными на затылкѣ розовымъ бантомъ; спереди они бахромой спускались до бровей. Блѣдно-гороховое креповое платье, казалось, было случайно наброшено на маленькую юбку,—такъ оно было пышно; но тугой шелковый корсетъ сжималъ ее станъ, выдавая его контуры, оставляя свободными только руки и плечи, открытыя до подмышекъ, гдѣ корсажъ окаймлялся гирляндой мелкихъ розъ. Перчатки, подъ цвѣтъ платья, сливались съ цвѣтомъ тѣла. Дѣвушка вся казалась цвѣткомъ розы.

— Хороша!—сказалъ про себя донъ Леопольдо.

Чего собственно ждала она, она и сама опредѣленно не знала; она выросла среди поклоненій роскоши и красотъ. Еще съ дѣтства, закутанная въ кружева, она привыкла слушать восторженные похвалы своей няньки-англичанки.

Позднѣе, затѣйливыя игрушки, художественныя вещицы, дорогие переплеты книгъ, красивая мебель, золотыя бездѣлки, всякая окружавшая ее мелочь постоянно поддерживали въ ней привычку ставить красивое выше всего.

Отъ няньки къ гувернанткѣ, отъ учителя музыки къ учителю рисованія она переходила безъ сознанія, безъ сравненій; было много учителей, но ни одного, который заронилъ бы здравую мысль въ ея голову. Она выросла свободною среди общества, гдѣ все—одно лишь притворство, и принимала красивое просто, безъ объясненій, рѣшительно не понимая ничего, что было выше или сложнѣе *ощущенія*.

Она была дитя своего времени: смѣсь разорившейся аристократіи и дерзкой буржуазіи. Умная отъ природы, она затаила въ себѣ начала добра и зла, и ни одно изъ нихъ не развивалось и не господствовало. Поверхностное воспитаніе заставило въ ней застыть всякую самобытность. Она не понимала, что такое любовь, и искала забавы. Со всѣмъ тѣмъ, она была увѣрена, что она не только всѣхъ лучше, но и всѣхъ добрѣе.

— Тебѣ, дядя, весело?

Она кокетливо погладила подбородокъ старика.

— Весело.

Ему не было никакого повода быть веселымъ: въ шестьдесятъ лѣтъ ѣхать на балъ значить приносить жертву. Но донъ Леопольдо привыкъ къ доброму притворству и повторилъ:

— Мнѣ очень весело.

У Лидіи уже больше не осталось ни малѣйшаго упрека на совѣсти; она полагала, что дядю, какъ и ее, должно интересоватъ все.

IV.

Лидія безъ малѣйшаго смущенія вошла въ ярко освѣщенную бальную залу. Полная самоувѣренность сказывалась во всѣхъ ея движеніяхъ, въ смѣломъ взглядѣ, въ непринужденной улыбкѣ, въ манерѣ подавать руку знакомымъ.

Можно было подивиться и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пожалѣть, глядя на это едва сложившееся дѣтское личико и на эти свѣтскія замашки, — подивиться, если бы не всѣ женщины кругомъ Лидіи были такія же; вся зала напоминала садъ, полный искусственныхъ цвѣтовъ.

Ее окружили пріятельницы, всѣ хорошенькія, нарядныя и также развязныя.

Лидія опытнымъ взглядомъ окинула туалеты дамъ и покусывала губки, встрѣчая наряды лучше своего.

На мужчинъ она смотрѣла съ недоувѣріемъ и не особеннымъ интересомъ. Напримѣръ, маркизь Герарди, колоссъ съ бычачьей шей, со спиной носильщика, весь пропитанный запахомъ сигаръ и конюшни. Литераторъ Бонелли, сухой, вытянутый, кланяется, будто выдвигается изъ футляра, будто хочетъ сказать: «я всѣхъ вижу насквозь и всѣ ваши души понимаю». Скентигъ — адвокатъ Кальми, который отъ роду не любилъ ни одной женщины, — отъ любви къ нему одна дѣвушка съ ума сошла, а онъ даже не пересталъ смѣяться! Молодой герцогъ Кастель-Габбіано, чахлый, близорукій, безволосый кретинъ. Алари и Солуцци — обручились съ горными вершинами, альпинисты, способные въ вальсѣ разсуждать о Монбланѣ... Еще кто? Три-четыре кавалериста; они здѣсь уже два года, давно извѣстные. Еще... Еще кто же? Всѣ, толпа.

— Кто этотъ стройный офицерикъ, морякъ?

— Графъ Рамбальди; онъ только что возвратился изъ Индіи.

— Джиджи? — вскричала Лидія и вся покраснѣла отъ радости. — Точно, въ самомъ дѣлѣ, это Джиджи? Да я его разцѣлую! Онъ другъ моего дѣтства, — продолжала Лидія, забывая держаться прямо и выдвигаясь впередъ.

Лидіи хотѣлось играть, забавляться, смѣяться, излить куда-нибудь избытокъ своихъ силъ. Джиджи напоминалъ ей бѣготню въ чудесномъ густомъ паркѣ ихъ виллы, напоминалъ игру въ волакъ, напоминалъ веселье. Ее не тревожилъ смѣхъ пріятельницъ; она не знала, какое зло несутъ съ собою эти насмѣшки, эти

невидимыя стрѣлы, и продолжала такъ упорно смотрѣть на молодого моряка, что тотъ самъ это замѣтилъ и, узнавъ свою бывшую маленькую подругу, подошелъ поздороваться. Лидія радостно протянула руку.

— Какъ ты выросъ!

Графъ очень серьезно и учтиво спросилъ:

— Какъ ваше здоровье, синьорина?

Лидія вдругъ оправилась, сжала губы, опустила глаза и понизила голосъ.

— Благодарю васъ. А вы?

Оркестръ началъ польку.

— Вы не ангажированы?

Она была ангажирована, но сдѣлала видъ, что забыла; ей хотѣлось уйти изъ кружка дѣвицъ подъ-руку съ Рамбальди.

— Вы опять уѣдете въ Бомбей?

— О, нѣтъ.

— Какъ вы увѣренно говорите!

— Я всегда увѣренъ въ томъ, что говорю.

— Позвольте: вы сейчасъ намекали, что я хороша.

— И повторяю.

Въ то время, когда Джиджи Рамбальди, какъ человѣкъ воспитанный, говорилъ любезности своей дамѣ, она украдкой въ него вглядывалась. Онъ выросъ, какъ она и вообразить не могла. А она осталась маленькою. И какой онъ сильный! Танцуя, онъ поднимаетъ ее за талію, какъ перышко. Разъ его загорѣлая щека коснулась ея кругленькой щечки, и у Лидіи явилось сумасшедшее желаніе ущипнуть его за подбородокъ и поцѣловать. Но онъ такой серьезный, разсѣянный, все молчитъ. А ей такъ хотѣлось говорить.

— Помните, какъ въ Бельджирате мы, бывало, бѣжали на озеро, по кустамъ, по горамъ... качели, волянъ... помните?

— О, конечно.

— Когда мы разъ, вечеромъ, заблудились въ паркѣ, вы хотѣли построить шалашъ, чтобы въ немъ ночевать...

— Ахъ, да.

— И мы столько цвѣтовъ нарвали! Помню, все почти фіалки; ихъ тамъ много въ лѣсу. Вотъ какъ эти...

Она показала на букетъ у своего пояса.

Онъ поспѣшилъ сказать:

— Прелесть! Я особенно люблю фіалки.

Не задумываясь, Лидія подала ему букетъ. Онъ немного удивился, но взялъ и заткнулъ его въ петличку. Она оглянулась и встрѣтила взгляды Евы и Костанцы. Но что-жъ такое? Не преступленіе какое-нибудь—дать цвѣтокъ товарищу дѣтства... Лидія пожала плечами и опять обратилась къ Джиджи, который, кусая усы, лорнировалъ залу.

Въ буфетѣ донъ Леопольдо угощалъ свою невѣстку, которой прислуживалъ весь вечеръ. Онъ уже давно предпочелъ бы лежать въ постели, съ книжкой *Revue des Deux Mondes*, но герой, невольникъ учтивости все еще наклонялся къ креслу донны Клары и, граціозно улыбаясь, показывалъ свои вставные зубы.

Подлѣ нихъ Лидія ѣла мороженое, машинально, почти не чувствуя, вся погружаясь въ созерцаніе зеркала. Раза два донъ Леопольдо оглянулся,—что такое занимаетъ племянницу?—и заключилъ, что въ шестнадцать лѣтъ небольшое тщеславіе извинительно. Донна Клара, зѣвая, произнесла, что зеркала несносны, потому что въ нихъ заглядываешь невольно, хотя бы и не хотѣлось.

Лидія все смотрѣла, смотрѣла мимо собственного отраженія, въ уголъ залы, заставленный высокими растеніями; въ зеркалѣ онъ былъ видѣнъ отлично. Тамъ, на диванѣ, сидѣлъ молодой морской офицеръ; онъ казался оживленъ, будто на палубѣ своего корабля, и говорилъ съ дамой, не сводя съ нея глазъ; она игриво, кокетливо улыбалась, съ тѣмъ невыразимымъ довольствомъ, которое разливается по лицу женщины, когда за нею ухаживаетъ молодой человѣкъ.

Смѣлые взгляды молодого человѣка говорили: «Вы хороши, вы мнѣ нравитесь и я васъ люблю».

Глаза синьоры отвѣчали: «Вѣрить ли? Это, вѣдь, всѣмъ говорится!»

Онъ крутилъ усы и страстно заглядывалъ ей въ глаза, она же спокойно улыбалась и обмахивалась вѣеромъ.

— Весело видѣть, какъ веселятся молоденькія дѣвушки! — размышлялъ вслухъ донъ Леопольдо.

Его слова упали глухо, какъ камень въ болото. Донна Клара только утвердительно кивнула головой. Лидія продолжала смотрѣть въ зеркало. Тѣ, двое, сидѣли все тамъ же, только дама прислонила головку къ подушкѣ дивана и устремила блуждающій взоръ въ потолокъ. Рамбальди покраснѣлъ.

Вдругъ она выпрямилась и, подсмѣиваясь, указала кончикомъ вѣера на букетъ въ петличкѣ молодого человѣка. Тотъ, не колеблясь, выхватилъ фіалки всѣ до послѣдней, до крошечнаго приставшаго листочка, смялъ ихъ и бросилъ за диванъ.

— Дядя,—сказала Лидія, сжимая зубы,—знаешь ты синьору Капителли?

— Синьору Капителли?—повторилъ старикъ, слѣдя за взглядомъ племянницы, но уже ничего не видя въ зеркалѣ, такъ какъ пара ушла.

— Да, синьору Капителли; сейчасъ она прошла съ Джиджи Рамбальди.

— Красавицу синьору Капителли?

— Ты находишь, что она красавица?—вскричала Лидія, пожимая плечами.—Но я тебя не объ этомъ спрашиваю. Что это за женщина?

— О, женщина превосходная, совершенная!—отвѣчалъ онъ, любезно показывая зубы, по привычкѣ говорить о женщинахъ всегда только хорошее.

Буфетъ наполнялся; дамы хотѣли пить, кавалеры проголодались; явилось шампанское, пастеты изъ дичи. Нѣкоторыя дамы сняли по одной перчаткѣ (только по одной!) и, положивъ голую ручку на бархатъ кресла, поправляя браслеты и улыбаясь, слушали, чтó говорилось вокругъ. Ихъ окружали ихъ «неразлучные», знакомые, поклонники, влюбленные, цѣлый маленькій дворъ.

Лидія взглянула въ зеркало уже на себя и замѣтила, что она одна. Она была блѣдна, дурна, не подходила къ общей обстановкѣ. Такъ показаться въ «свѣтъ» она не желала.

Она шла на бой съ этимъ «свѣтомъ».

Она развязно, рѣшительно отвернулась отъ зеркала; за смѣлостью разстройство лица было незамѣтно.

Ее позвали въ группѣ дѣвушекъ, стоявшихъ у кустовъ цвѣтушихъ азалій. Оригиналь маркизъ Герарди приказалъ подать дѣвицамъ шампанскаго.

— Дайте мнѣ,—сказала Лидія и выпила цѣлый стаканъ.—Вотъ теперь я обстрѣляна.

Она взяла подъ-руку другую дѣвушку и пошла тихонько бродить, кокетничая съ подругой, репетируя, какъ будетъ кокетничать съ мужчинами.

Синьора Капителли прошла подъ-руку съ Рамбальди, покачиваясь медленно, всѣмъ станомъ. Лидія попробовала было сдѣлать

такъ же, но это не удалось. У синьоры Капителли было очарование особенное, она двигалась волнообразно, говорила мягко, въ ней все дышало притягивающимъ спокойствіемъ. Кто-то сказалъ о ней: «Она хуже, чѣмъ красавица».

«Какъ это она такъ дѣлаетъ?»—думала Лидія.

— Ты въ первый разъ на большомъ балѣ? — спросила подруга Лидіи.

— Да.

— Тебѣ весело?

— Очень. Будь я замужемъ, было бы еще веселѣе.

— О, да, да! Я думаю то же.

Онѣ говорили скоро, не глядя въ лицо другъ другу.

Передъ ними румяная, пышная блондинка, съ неимоверно открытою грудью, хохотала съ нѣсколькими молодыми людьми.

— Эта замужемъ?

— Конечно. У нея недавно умеръ ребенокъ.

Маленькій гробикъ, свѣчи, крестъ на кладбищѣ мелькнули въ воображеніи Лидіи. Между тѣмъ, платье пышной блондинки все больше сползало съ плечь.

Дѣвушки переглянулись и покраснѣли.

У.

Въ круглой бесѣдкѣ купальщики старались какъ-нибудь разогнать полдневную скуку, разговаривали, работали, читали. На прибрежномъ пескѣ играли дѣти.

Съ воды слышались смѣшанные голоса, вопросы, заглушенные всплесками, свистки, веселые крики. Бѣлыя руки и мускулистые торсы появлялись и исчезали, покачиваясь на волнахъ.

Раскаленное солнце свѣтило и жгло.

— Mademoiselle Лидія еще не воротилась съ ловли?

— Нынче и креветы стали умны,—не даются.

Разговаривали въ водѣ—молодой человекъ, сильный, какъ Геркулесъ, въ сѣромъ трико, и другой, въ полосатыхъ панталонахъ.

— Этотъ герцогъ, кажется, по уши влюбился.

— Бѣды бываютъ всякія: могъ бы ногу сломать.

— Ну, то было бы хуже.

— Почему знать!...

Геркулесъ нырнулъ, отдуваясь и разметывая брызги, какъ тритонъ.

— Правда, она въ модѣ. Одѣвается премило, обо всемъ говоритъ развязно, курить, ѣздить верхомъ, ругается... по-французски, но, все-таки, ругается,—я самъ слышалъ. И всего-то ей восемнадцать лѣтъ.

— Двадцать.

— Поплывемъ къ ней на встрѣчу.

— Ты тоже за ней немножко ухаживалъ?

— И во снѣ не думалъ. Смѣялся, какъ всѣ.

— Все-таки, пренебрегать не слѣдуетъ...

— Ну!... Вся поддѣльная, вся изломалась... Начиная съ волосъ, у которыхъ своего цвѣта нѣтъ, да и волосъ-то нѣтъ...

— Точно ли ей двадцать? Теперь, говорить, дѣлаютъ такое притиранье, что сразу можно помолодѣть.

На встрѣчу имъ плыла лодка.

— Плыви живѣй! Они насъ къ себѣ посадятъ.

На лодкѣ завидѣли пловцовъ; въ одобреніе имъ развѣвался платокъ. Махала Лидія, стоя у кормы, выдаваясь на фонѣ неба и моря, счастливая тѣмъ, что у нея—картинки—такая великолѣпная рама. Она выпрямлялась во весь свой маленькій ростъ; вѣтеръ игралъ ея юбкой, голубой съ бѣлыми обшивками. Бѣлое трико обтягивало ея руки и грудь, открытую спереди; откинутый широкій морской воротникъ былъ заколотъ крошечнымъ золотымъ крестикомъ; клеенчатая шляпа съ прямыми полями, украшенная якоремъ, была надѣта на бокъ и не скрывала роскоши волосъ, блестящихъ переливами радуги.

Просторъ, свѣтъ неба, отблески моря, опьяняющій запахъ смолы и соли проникали ее, зажигали въ ея крови волненіе, жажду движенія, беззабѣтную жизненность. Она дрожала, она топала ножками въ пестрыхъ чулкахъ, упертыми въ край лодки; она была легка, какъ бабочка. Упоенная молодостью, она рисовалась подъ солнцемъ, предъ всею природой,—рисовалась искусно, но искренно, какъ артистъ, увѣренный въ своей роли.

Ее веселило еще одно: восторженное лицо герцога Кастель-Габбiano, почти колѣнопреклоненнаго предъ нею. Этотъ несчастный, болѣзненный, истощенный человѣкъ представлялъ среди морскаго раздолья «пикантный контрастъ». Лидія не сантиментальничала, не претендовала ни на умъ, ни на чувствительность, и потому находила, что герцогъ забавенъ. Сначала она принимала поклоненія герцога просто изъ кокетства. Черезъ мѣсяцъ онъ уже не отходилъ отъ нея. Ей было любопытно, какъ онъ

повторялъ ей все, что ужъ, конечно, высыпалъ старой графинѣ Коломбо. Нѣкоторыя модификаціи, которыя неизбежно приходилось ему дѣлать въ своихъ рѣчахъ, особенно смѣшили Лидію. Онъ, напримѣръ, въ экстазѣ говорилъ о «близнѣ розъ, слегка окрашенныхъ румянцемъ», а Лидія вспоминала желтую графиню.

— Одинъ поэтъ,—говорила она сквозь зубы и сдерживая смѣхъ,—сказалъ о красавицѣ: «она желта, какъ померанецъ».

Герцогъ не имѣлъ понятія о Мюссэ и продолжалъ восторгаться.

Но понемногу къ молодому легкомыслію кокетства прибавилось нѣчто вродѣ жестокости. Лидіи нравилось его страданіе. Она наслаждалась не злобно, но вѣтренно. Она уже составила себѣ дурное понятіе о «свѣтѣ». Она изъ подражанія, рисуясь, нарядилась въ скептицизмъ; нарядъ пришелся по ней, впился въ нее, слился съ нею... Всѣ такіе,—надо быть такою же. Нынче безъ боли отнимаютъ руки и ноги. Дѣвушка изъ ребенка сдѣлалась зрѣлою, безъ переходныхъ испытаній. Братъ отъ жизни какъ можно больше—вотъ и вся теорія...

— Гопъ! гопъ!—кричала она съ лодки отважнымъ пловцамъ.

Молодые люди вскочили въ лодку, она покачнулась; чтобы удержаться, Лидія ухватила за одну изъ этихъ мускулистыхъ рукъ, вымочивъ перчатки, и сѣла, скрывая неудовольствіе.

Она мягко склонилась на подушки, протянула ручки къ морю и запрокинула головку, будто замирая въ упоеніи. Молодые люди насмѣшливо переглянулись. Геркулесъ сказалъ съ многозначительною улыбкой:

— Лодка—поэзія,—просторъ для дѣвическихъ розовыхъ мечтаній.

Слова пустыя, но улыбка и взглядъ много говорили для напряженного чувства. Лидія увидѣла, что она одинока, беззащитна въ непріятельскомъ лагерѣ: два человѣка ухаживаютъ за ней и презираютъ ее, въ то же самое время; третій клянется, будто любить, и не имѣетъ мужества защитить.

— О, нѣтъ, нѣтъ!—поспѣшно возразила она, смѣло подхватывая тѣ же слова, какъ боецъ подхватываетъ перчатку противника.—Нѣтъ, я нисколько не поэтична и нѣтъ у меня ни розовыхъ сновъ, ни мечтаній.

И она улыбнулась. Въ ея груди кипѣла глухая злоба, въ глазахъ разстилался туманъ. Ей хотѣлось побить герцога. Всѣхъ больше бѣсилъ ее онъ своимъ блаженнымъ, идіотскимъ видомъ...

Но на розовомъ личикѣ не проглянула внутренняя борьба. Лидія обмахивалась вѣромъ, подражая манерамъ синьоры Капителли; ея глаза тонули въ неопредѣленной нѣгѣ, полуоткрытый ротикъ будто ждалъ поцѣлуя... Быстрымъ взглядомъ она убѣдилась, что комедія удастся.

«Три дурака»,—подумала она и повеселѣла.

Она сбросила шляпку. Вѣтеръ игралъ бѣлокурыми завитками на ея лбу; солнце золотило ей маковку, гдѣ волосы отливали цвѣтомъ мѣди.

Сидя въ круглой бесѣдкѣ, донъ Леопольдо безпокойно слѣдилъ глазами за приближеніемъ лодки. Донна Клара, лежа въ креслѣ, время отъ времени вышивала крестикъ по канвѣ.

— Однако,—рѣшился вымолвить старый дворянинъ, уже не разъ покачавъ головой,—однако, эти морскія купанья допускають слишкомъ много вольностей, далеко не *пiutическиххъ*.

Онъ прибавилъ невинную шутку, чтобы его словъ не сочли за проповѣдь. Но донна Клара уже разглядѣла проповѣдь на горизонтѣ и отвѣтила съ отѣнкомъ неудовольствія:

— Кажется, здѣсь нѣтъ ничего дурнаго.

— Положимъ, что ничего, моя милая, но, все-таки, вонъ тамъ сидятъ двое молодыхъ людей, на которыхъ хоть бы халаты накинуть...

Донна Клара не дала договорить.

— Такъ ты предпочелъ бы, чтобы она допустила ихъ умереть отъ усталости послѣ такого далекаго плаванья?

— Нѣтъ, я предпочелъ бы только, чтобы эти господа не позволили себѣ принять лодку моей племянницы за спасательную лодку или за комнату для переодѣванья... Я лично предпочелъ бы, чтобы Лидія обратила свои филантропическія стремленія въ другую сторону. Довольно ее скомпрометировала бельджиратская исторія. Злыхъ языковъ много.

— Именно. И хороши бы мы были, еслибъ ихъ слушали. Вотъ десять лѣтъ, какъ мужъ умеръ и ты живешь у насъ, развѣ не говорили, что ты мой любовникъ? А Господь знаетъ, справедливо ли это.

— И я знаю,—медленно произнесъ донъ Леопольдо, сознавая свою добродѣтель.

Онъ вдругъ почувствовалъ угрызеніе совѣсти за то, что былъ не довольно учтивъ, и наклонился къ доннѣ Кларѣ.

— Ты знаешь, другъ мой, какъ я люблю дѣвочку...

— Не сомнѣваюсь. Но ты съ своими идеями отстаешь на полвѣка. Ты не берешь общества, каково оно есть; ты будто никогда его не зналъ. Ты что-то вроде старой дѣвы.

Донъ Леопольдо покраснѣлъ, потупивъ голову, и, по обыкновенію, уступилъ. Невѣстка торжествовала. Въ ея иѣщанской натурѣ вѣчно кипѣло раздраженіе противъ «этихъ аристократовъ съ ихъ предразсудками».

VI.

Подъ конецъ купальнаго сезона Лидія, модная царица, получила два предложенія: одно отъ бездомнаго юноши, находившагося по уши въ долгахъ (онъ только разъ ее видѣлъ, но справился о приданомъ), другое—отъ герцога Кастель-Габбиано и совершенно искренно расхохоталась. Ее въ послѣднее время больше занималъ вопросъ, гдѣ она проведетъ послѣдніе дни августа? До сентября въ Бельджирате не пріѣдутъ обыкновенные гости, а Лидія ужасалась, что придется оставаться въ деревнѣ съ матерью и дядей.

Въ зеленой Піемонтской долинѣ, среди живыхъ воспоминаній стариннаго величія, былъ замокъ маркизовъ Аримонте. Костанца нѣсколько разъ приглашала подругу, и теперь было самое удобное время принять приглашеніе.

Надо было еще немножко остановиться въ городѣ, возобновить туалетъ. Легкія платья, морскіе костюмы, соломенные шляпки, широкіе зонтики на розовомъ подбоѣ,—все это уже не годилось. Необходимы темные шерстяные англійскіе наряды, войлочные шляпки, толстыя перчатки, альпійская палка. Покамѣстъ въ душныя, скучныя, нескончаемые вечера Лидія читала стихотворенія о красотахъ природы, прочла *Клитумскій водопадъ* и подумала, что въ самомъ дѣлѣ чувствуетъ влеченіе къ величію лѣсовъ. Она велѣла переплести книжку, оттиснуть свое имя золотомъ (рядомъ съ именемъ Кардуччи) и положила ее въ дорожный баулъ.

«Можетъ быть, — размышлялъ донъ Леопольдо въ глубинѣ своей души,—можетъ быть, для Лидіи будетъ полезно заниматься немного побольше, нежели она занимается. У нея большія способности. Почему она не посвятитъ себя какой-нибудь отрасли искусства, литературы?...»

— Тебѣ бы взять съ собою кисти,—сказалъ донъ Леопольдо племянницѣ на другой день.—Мѣстоположеніе тамъ красивое; ты могла бы заняться живописью. Ты ее совсѣмъ забросила.

— На это была важная причина.

— Важная?

— Очень. Пальцы пачкаются въ краскахъ.

Донъ Леопольдо снова началъ послѣ небольшой паузы:

— Когда ты была маленькая, ты, бывало, писала такія граціозныя, сердечныя вещицы; столько было у тебя фантазій...

Онъ не смѣлъ продолжать. Лидія взглянула на него своими огромными глазами.

— Дядя, ты хочешь меня опять помѣстить въ школу? Мечтаешь для меня объ учительскомъ дипломѣ? Какъ же! «Подъ старость кусокъ хлѣба»!... Не то?... А, такъ ты желаешь, чтобы я была писательницей, страшной, знаешь, отъ которыхъ мужчины бѣгають?... Ну, дядя, погляди и скажи серьезно, достанетъ у тебя на это духу?

— Миѣ казалось, ты скучаешь,—робко сказалъ дядя.

Лидія остановилась, закусила губы, будто задумалась.

— Иногда, разумѣется, скучаю, но что-жъ дѣлать? Твое лѣкарство хуже болѣзни.

— Не желаешь ли ты чего-нибудь, по крайней мѣрѣ?

— Да, желаю, чтобы жизнь была позабавнѣе.

Она упала въ качальное кресло и громко засмѣялась.

Строгій домъ, строгій порядокъ, тѣнистый, печальный паркъ,—Лидія увидѣла все это сразу, увидѣла и Костанцу, которая шла ей на встрѣчу легкимъ шагомъ, будто не касаясь земли.

Лѣтомъ вся семья Аримонти патриархально жила въ деревнѣ,—старуха, сыновья и молодые невѣстки.

Изысканный вкусъ и величавая простота гостинной не нарушались ни одною мелочью новѣйшей странной моды. Маркизамъ шила бѣлье для бѣдныхъ; обѣ невѣстки, сидя за роялемъ, разыгрывали сонату Бетховена; на полу, на медвѣжьей шкурѣ, игралъ бѣлокурый мальчуганъ; великолѣпный ню-фаундлендъ смотрѣлъ на него ласковыми глазами.

— Мои сыновья на охотѣ,—сказала маркиза, дѣлая легкое движеніе, будто извиняла и вмѣстѣ представляла гостей отсутствующихъ.

Ея сдержанный, тихій голосъ словно растаялъ въ воздухѣ.

Молодые женщины, здороваясь, тоже тихо отодвигали стулья, говорили тихо.

Все кругомъ — среднеѣвновые обои, черная дубовая рѣзная мебель, тяжелыя штофныя занавѣски, блѣдныя вышивки креселъ, потускнѣлыя зеркала въ золоченыхъ рамахъ, старинныя бронзовыя лючерны, сводчатый потолокъ, — все, воздухъ, штукатурка стѣнъ, складки драпировокъ, все, казалось, было пропитано увѣреннымъ, яснымъ величіемъ, всѣмъ прошедшимъ дома Аримонти и внушало невольное уваженіе.

Какъ-то инстинктивно Лидія постаралась устроить, чтобы ея браслеты не очень звенѣли, и посмотрѣла на свою пріятельницу. Костанца казалась совершенно на своемъ мѣстѣ въ этой торжественной обстановкѣ. Лидія замѣтила только, что она слегка похудѣла и глаза ея какъ будто ввалились.

— И ты здѣсь живешь пять мѣсяцевъ?

Костанца улыбнулась.

— Что ты дѣлаешь?

— Все больше сижу съ матерью, мы много читаемъ; гуляю въ паркѣ, немного вышиваю съ сестрами. Вечеромъ братья сидятъ за шахматами; мы занимаемся музыкой до десяти часовъ, а тамъ и день конченъ.

— Нигуда не выходишь?—спросила Лидія, удерживая вздохъ.

— Всякое утро хожу къ бѣднымъ; дѣтскій пріютъ также отнимаетъ нѣсколько часовъ. Ты не повѣришь, какъ скоро идетъ время.

— Въ самомъ дѣлѣ, это можетъ быть, надо испытать, чтобы убѣдиться.

— А ты какъ провела эти пять мѣсяцевъ?

— По обыкновенію, разнообразно. Возила въ разныя мѣста своихъ стариковъ, покуда не нашлось довольно пріятное общество въ Ливорно. Нынѣшній годъ Арденца была въ модѣ. Тамъ встрѣтили всѣхъ: и Капителли, и Коломбо, и Кастель-Габбіано. Изъ Рима былъ графъ Нарни. Была знаменитая Сантіери, неаполитанка съ двумя своими любовниками. Затѣмъ капитанъ Де-Арчелли, хорошенькій, прелесть... и предосадный: одинъ онъ за мной не волочился!... Я должна и о себѣ говорить правду: я тоже завоевала себѣ мѣстечко среди звѣздъ. Всякій разъ, какъ въ газетахъ рассказывали что-нибудь новое, о спектакляхъ и прочее, — мое имя стоитъ тутъ, между самыми блестящими... Капителли провалилась... enfoncée!

Снисходительно слушая болтовню подруги, Костанца безпечно взглянула на мать. Но маркиза взяла на колѣни бѣленькаго мальчика и рассказывала ему сказку. Молодые дѣвушки тихо ушли и усѣлись въ глубинѣ окна, откуда были видны высокія деревья парка, красныя въ свѣтѣ заката. Гдѣ-то вдали звонили къ вечернѣ.

Лидія слегка зѣвнула и вздрогнула.

— Тебѣ дурно?

— Нѣтъ. Такъ, *смерть мимо прошла*, какъ говорится въ Тосканѣ. А кто, въ самомъ дѣлѣ, знаетъ, что такое надо мною прошло?

— Можетъ быть, скука.

Лидія принужденно улыbnулась.

— Ты нашу жизнь поняла и она тебѣ не нравится; сознайся!

— Сознаюсь безъ отговорокъ.

— Дѣло все въ томъ, что надо принять въ ней участіе, слиться съ нею...

— Я понимаю твою мать,—прервала Лидія,—понимаю твоихъ невѣстокъ, у которыхъ мужья и дѣти... Да, въ нѣкоторой степени я понимаю ихъ, хотя и не завидую имъ... Но ты... что ты дѣлаешь?

По лицу Костанцы пробѣжала тѣнь.

— Много есть благородныхъ чувствъ, великодушныхъ, дорогихъ привязанностей...

— Я знаю твои благородныя чувства, все знаю, преклоняюсь, но раздѣлять ихъ не могу.

Костанца, смущенная, потупила глаза. Лидія живо заговорила:

— У тебя такая натура; нечего и спорить. Но я... къ чему я могу привязаться? Ты вѣришь и можешь быть счастлива. Я... вижу. *Видѣть*, увѣряю тебя, высшее несчастье!

— Надо смотрѣть вверхъ.

— Что тамъ наверху? Религія? Но ее надо чувствовать. Благочестивою надо родиться...

Мальчикъ заснулъ на колѣняхъ у бабушки, преклонясь головкой къ кожаной спинкѣ стариннаго кресла.

— Ахъ, какъ хорошо!—вскричала Лидія.

Маркиза приложила палецъ къ губамъ и сдѣлала дѣвушкамъ знакъ уйти въ паркъ, чтобы не будить ребенка.

— У тебя женская жилка,—тихо сказала Костанца,—тебя трогаетъ видъ ребенка.

— Нѣтъ, это не то, что ты воображаешь. Меня это трогаетъ, какъ художественная вещь: красиво. Будь у этого мальчика какая-нибудь сыпь... ужасъ! я бы убѣждала.

Ея голосъ рѣзко звучалъ на порогѣ стараго дома, поднимавшагося высоко,—казалось, выше всѣхъ людскихъ мелочей. Лидія сама почувствовала себя неловко и поспѣшила оправдаться.

— Не хочу представляться хуже, чѣмъ я есть, но сердце у меня не расположено къ чувствительности. Слишкомъ рано постигла я закулисныя свѣтскія тайнства. Съ каждымъ днемъ я все больше убѣждаюсь, что мы искренны только въ минуту наслажденія; все остальное—ложь... болѣе или менѣе возвышенная, болѣе или менѣе честная, но, все-таки, ложь. Не говори о себѣ: ты—исключеніе... по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что тебя ложь охватываетъ разомъ, слѣдовательно, въ тебѣ нѣтъ притворства.

— Какъ же это?

— Да такъ. Ты живешь химерами прошлаго; ты вѣришь, что великое имя хранить отъ всякой слабости... А у меня (мой дѣдушка по матери торговалъ мѣхами) кровь мятежная.

Костанца терпѣливо шла за нею по аллеѣ, сожалѣя и, вмѣстѣ, слегка презирая свою подругу. Помолчавъ, она, наконецъ, возразила:

— Люди портятъ все, до чего коснутся. Они отрицаютъ любовь, вѣру, смѣются надъ любовью и самоотверженіемъ... Боже мой! да неужели же и мы должны отрицать все это?

Она остановилась, блѣдная, измученная, и отчаянно зажала руки.

— Вотъ до чего довела тебя твоя чувствительность!—вскричала Лидія.—Ты страдаешь... отъ какой болѣзни? Ты безумнѣе меня! Ты страдаешь отъ того, что не находишь счастья въ своемъ великомъ идеалѣ! Чего тебѣ недостаетъ? Говори!

Она схватила ее за руки и чувствовала, что сама начинаетъ горячиться.

Все время за обѣдомъ Лидія смѣялась, шутила, обращаясь больше къ мужчинамъ, почти дерзко-развязно, но къ вечеру впала въ страшную меланхолію. Она заперлась въ своей комнатѣ; въ окнѣ, на блѣдномъ фонѣ ночи, чернѣли, словно великаны, деревья парка, слышались несносные звуки рояля. Лидія думала, что здѣсь нѣтъ общества, нѣтъ возможности провести день иначе.

Наконецъ, она легла; старая деревянная кровать скрипѣла при каждомъ ея движеніи... Лидія не могла уснуть.

Утромъ она побѣжала къ Костанцѣ, бросилась ей на шею, клялась, что любить ее, обожаешь, но чтобъ она сейчасъ же приказала заложить карету и везти ее на станцію.

— Боже, что за жизнь!—шептала она, усаживаясь въ уголъ первокласснаго вагона.

VII.

Лидія и адвокатъ Кальми курили сигаретки на террасѣ предъ очаровательнымъ заливомъ.

Старшіе пока дремали въ гостиницѣ отеля.

Они встрѣтились на какомъ-то увеселеніи въ этомъ прелестномъ городѣ въ прелестномъ апрѣлѣ мѣсяцѣ и жили, почти не разставаясь, какъ старые друзья.

— Скажите правду, Кальми, что вы обо мнѣ думали?

— Думалъ или думаю?

— Въ прошедшемъ времени.

— Дурно.

— А теперь?

— Еще хуже.

Лидія ждала не такого отвѣта. Она выпустила длинную струйку дыма и сказала, по виду спокойно:

— Замѣтно, что вы не захватили съ собой на дорогу любви.

— Натурально,—отвѣтилъ онъ, смѣясь,—слишкомъ громоздко.

Оба немного помолчали. Лидія, стоя, казалась выше ростомъ отъ длиннаго бѣлаго плюшеваго пальто, опущеннаго лебяжьимъ пухомъ. Она оперлась локтемъ на балюстраду террасы, головой на руку, а другою рукой подносила къ губамъ сигаретку. Лунный лучъ падалъ на свѣтлую прядь ея волосъ и она блестѣла золотомъ. Ночь была уповательно тиха; воздухъ будто струился и шепталъ слова любви.

— Я знаю, что обо мнѣ говорятъ дурно...—начала Лидія.

Ея голосъ былъ странно печаленъ; она ждала возраженія, но возраженія не явилось.

— Говорятъ, я вѣтрена, тщеславна, эксцентрична, кокетка... не знаю что еще.

— Конечно, все это клевета.

— Нѣтъ, не клевета!—вскричала она порывисто.

— Стало быть?...

— Стало быть...

Она увидѣла, что запуталась, и напрасно ждала помощи. Адвокатъ смотрѣлъ ясными, холодными глазами, учтиво отвертываясь всякій разъ, какъ выпускалъ дымокъ своей сигаретки.

— Я думала, вы меня понимаете!—вдругъ вскричала она.

— Обыкновенное заблужденіе и, вмѣстѣ, обыкновенная политика женщинъ—изображать изъ себя неразрѣшимую загадку.

— А, я забыла, что для васъ всѣ женщины одинаковы!—горько возразила Лидія.

— Съ извѣстной точки зрѣнія—да. Но я дѣлаю и различія: бываютъ обманутыя и обманщицы.

— О-о!—вскричала Лидія, захохотавъ и бросая сигаретку,—адвокатъ открылъ огонь! Я увѣрена, что вы предпочитаете обманутыхъ.

— Предпочитаю,—отвѣчалъ Кальми, не смутясь,—предпочитаю женщинъ простыхъ.

— А, такъ, по-вашему, я женщина сложная?

— Еще хуже: вы хотите казаться сложной.

— Стало быть, я и сложна не *въ самомъ дѣлѣ*?

Кальми бросилъ сигаретку и сказалъ серьезно:

— Посмотрите, что за небо. Когда я былъ ребенкомъ, меня увѣряли, что за этимъ синимъ сводомъ—рай, и что звѣзды—глаза ангеловъ. Я вѣрилъ. Я былъ истинно несчастенъ въ тотъ день, какъ узналъ, что вся эта лазурь—пустота, а это золото—раскаленная матерія. Совсѣмъ напрасная печаль: не лучше ли было бы сразу говорить мнѣ правду?

— И, обманувшись въ небесахъ, вы уже больше ничему не вѣрите на землѣ?

— Вѣрю математикѣ,—отвѣчалъ онъ, опять закуривая.

Лидія была непокойна, задѣта за живое. Кальми казался ей умнѣе другихъ. Онъ ей не нравился, но ей хотѣлось нравиться ему, а, между тѣмъ, все ея кокетство разлеталось понапрасну.

И, какъ нарочно, въ этотъ вечеръ она была одѣта «къ лицу»: бѣлое платье мягко лежало вокругъ ея шеи; лебяжій пухъ служилъ точно рамкой для прелестной головки.

Лидія подошла къ балюстрадѣ, будто глядя на луну; она была зла на Кальми; ей хотѣлось приручить его, какъ ягненка; побѣда надъ нимъ была заманчива. Она нисколько не была

сентиментальна, но въ эту весеннюю ночь она чувствовала сильнѣе всего свою молодость, свою привлекательность. Объясненіе въ любви, казалось ей, было обязано сейчасъ наступить.

Безъ всякаго сомнѣнія, она бы его отвергла; но любопытно, какъ въ этомъ случаѣ поступаютъ мужчины?... Какъ это онъ не подумаетъ поцѣловать ей руку? А она нарочно положила ее на балюстрадѣ.

Она пожала плечами, кокетливо откинулась назадъ и сильно вздохнула всею грудью.

— Хорошо!

— Воздухъ хорошъ?

— Да, воздухъ; дыханіе цвѣтовъ и моря... поцѣлуй и раны, ласки и удары...

— Которые вы предпочитаете ласкамъ?

— Кто вамъ сказалъ?

— Я предполагаю.

— Ошибаетесь. Меня никто не понимаетъ.

Она стояла передъ нимъ, поднявъ голову, съ ярко искрящимися глазами.

Кальми сдѣлалъ шагъ впередъ, взялъ ее за обѣ руки и притянулъ къ себѣ; его глаза вспыхнули.

Лидія испытала минуту невыразимой радости, острой, глубокой, потрясающей; она слабо отклонялась, улыбаясь, нѣжась своимъ торжествомъ, потомъ вдругъ отшатнулась, покачала головой... во взглядѣ ея еще догорала улыбка.

— Ошибаетесь, ошибаетесь!

«Гадкая кокетка!»—подумалъ Кальми и сталъ холоденъ по-прежнему.

Лидія перегнулась черезъ балюстраду, смотрѣла на луну и повторяла:

— Ничего, ничего... все ничего!

Остальную часть ночи она провела на колѣняхъ передъ диваномъ въ гостиной отеля: доцнѣ Кларѣ вдругъ сдѣлалось дурно.

Лидія никогда не видала больныхъ и сама не бывала серьезно больна; она и мыслью не могла остановиться на страданіи и не знала даже названія самыхъ обыкновенныхъ болѣзней. Она совершенно растерялась, безпрестанно окликала мать, металась по комнатамъ изъ угла въ уголъ и осыпала дядю и Кальми беспорядочными вопросами.

— Вотъ придетъ докторъ, тогда узнаемъ,—успокоивалъ донъ Леопольдо.

Онъ весь дрожалъ, искренно огорченный и еще болѣе переконфуженный. Адвокатъ сохранялъ приличное достоинство порядочно воспитаннаго человѣка, свидѣтеля чужой горести.

— Если бы перенести ее на постель...

— Лучше дождаться доктора.

Хозяйка отеля, женщина практичная, принесла горчичники, увѣряя, что если они не помогутъ, то, по крайней мѣрѣ, не повредятъ.

Лидія глядѣла на эти хлопоты какъ будто сквозь сонъ, въ полномъ убѣжденіи, что это просто обморокъ.

— Не потерять ли ей виски одеколономъ?

Кальми пожалъ плечами.

Пришелъ докторъ; подробнаго осмотра не понадобилось. Очень опасный случай: апоплексическій ударъ.

Лидія не хотѣла оставить мать, хотя докторъ и совѣтовалъ ей это. Впрочемъ, она была довольно тверда, не плакала, смотрѣла на больную, на всѣхъ и на все большими горящими глазами, въ которыхъ виднѣлось больше удивленія, нежели горя.

— Я приду чрезъ нѣсколько часовъ,—сказалъ, прощаясь, Кальми.

Было три часа утра. Лидія отчаянно схватила его за руки.

— Не правда ли, это пройдетъ, это ничего? Она будетъ здорова?

Онъ посмотрѣлъ на нее и отнялъ руки.

— Будемъ надѣяться.

Донъ Леопольдо, казалось, окаменѣлъ въ широкомъ креслѣ у ногъ больной. Лидія безпокойно мѣняла мѣста, хватаясь то за грудь, то за голову.

Докторъ прописалъ лѣкарство и, выжидая дѣйствія, переговаривался съ дономъ Леопольдо. На зарѣ доннѣ Кларѣ не стало лучше, но докторъ твердилъ:

— Не будемъ терять надежды.

— Дядя, дядя, ты какъ думаешь?—прошептала Лидія, бросаясь на шею старику.

Совершенно ошеломленный, онъ нашелъ еще мужество отвѣчать дрожащими губами, улыбаясь, какъ въ прошлые счастливые дни:

— Выздоровѣтъ.

Какъ всегда, правду отъ «дѣвочки» скрывали.

Въ семь часовъ донна Клара выказала признаки жизни, открыла глаза, взглянула на дочь. Лидія, охваченная надеждой, бросилась на колѣни, хотѣла было обнять донну Клару, но въ ужасѣ отступила назадъ.

— Мама, мама! — вскричала она и упала на трупъ матери.

VIII.

Несчастіе пришло неожиданно; дѣвушка была поражена, почти негодовала на него, какъ на несправедливость. Она видала чужія слезы, но никогда ей не приходила на мысль даже возможность когда-нибудь плакать самой.

Наряжаться, веселиться — къ этому занятію она привыкла съ дѣтства; ни оглядываться, ни размышлять было некогда.

Ничто не могло ее утѣшить, ничто не обуздывало порывовъ ея отчаянія. Лидія отдавалась отчаянію съ наслажденіемъ еще неизвѣданнаго ощущенія: скорбь — плодъ горькій, но, все-таки, новинка.

Безпрестанно и всѣмъ она говорила о матери, возбуждалась собственными словами. У нея являлись драматическіе жесты, отѣнки голоса, которые ее удивляли и восхищали; она еще не знала у себя такихъ страстныхъ нотъ; открытіе было любопытное.

Ея горесть была истинна и искренна, но эта маленькая *сценичность*, хотя тоже истинная и искренняя, связанная съ ея характеромъ, возмущала постороннихъ. Лидіи не прощали глубокаго траура ея гостиной, чернаго флера на люстрахъ, цвѣтовъ передъ портретомъ матери. Не прощали, что всякій день, въ пять-шесть часовъ, она отправлялась на кладбище въ закрытой каретѣ, обитой чернымъ; лошади черныя, кучеръ въ черномъ; она сама съ головы до ногъ закутана въ черное погребальное покрывало, сквозь которое едва просвѣчиваетъ металлическій блескъ ея волосъ. Ей не прощали, что ея искреннія слезы льются на вышитые кружевные платки, пропитанные *Parfum d'Ixora*.

А Лидія оставалась все такою же. Она плакала такъ же, какъ прежде смѣялась, — насильно, на-показъ, рассчитывая на эффектъ, но ей этого не прощали. Мужчины не щадили ея добраго имени. Кальми, помня сцену на балконѣ, ужъ, конечно, не защищали осиротѣвшую дѣвушку. Въ кружкахъ женщинъ были деликатные намеки, — уколы отравленными булавками... Кто-то

сказалъ, будто видѣлъ ея ночныя рубашки: онѣ вышиты чернымъ, съ черными бантиками. Другой, чтобы не отстать, увѣрялъ, что она носить черныя бархатныя подвязки и, вмѣсто пряжки, на нихъ серебряныя мертвыя головы. Но настоящаго было мало: припоминали старыя исторіи, рассказывали, что Лидія каталась въ лодкѣ нагою съ молодыми людьми, и послѣ этой сплетни ей хохотали почти въ лицо, когда она возвращалась съ кладбища, закутанная въ черное покрывало.

Не покинули ее два друга: Ева и Костанца. Костанца писала ей длинныя сочувственныя письма. Ева, отказываясь отъ общества, которое признавало ее царицей, всѣ вечера проводила съ Лидіей.

То были чудесные вечера. Баронетъ Сеймуръ, красавецъ, статный старикъ, сидѣлъ въ сторонѣ съ дономъ Леопольдо, но донъ Леопольдо, разбитый, робкій, будто весь прятался, исчезая передъ величавымъ спокойствіемъ прекрасной головы гостя, осѣненной вѣнцомъ пышныхъ сѣдыхъ волосъ.

Дѣвушки разговаривали между собой, плакали, вспоминая, какъ добра была донна Клара; потомъ рѣчь переходила и на другое, а понемногу и на свѣтское; случалось толковать и о нарядахъ... Ихъ первая молодость прошла; онѣ стали женственнѣе, серьезнѣе, на нихъ легло облако печали, будто слѣдъ полета времени; въ ихъ рѣчахъ безсознательно являлась горечь.

Лидія больше чѣмъ когда-нибудь выказывала себя «свободномыслящею», esprit fort. Она повторяла, что не пойдетъ замужъ, что не понимаетъ любви, что вовѣки не полюбитъ. Въ прошлые годы ея цѣль была—веселье; теперь у нея другой идеалъ: страдать и всю жизнь оплакивать дорогую потерю... Она была увѣрена, что плачетъ о матери. Вокругъ себя она видѣла страшную пустоту. Ее ничто не занимало. Мужчины, которые ухаживали, бывало, за нею,—всѣ порочны или глупы. Раздражаясь, она передавала въ мельчайшихъ подробностяхъ объясненія въ любви, разговоры, остроумничанье,—истинные, животрепещущіе «человѣческіе документы». Она высказывалась ѣдко, безпощадно, съ развязнымъ скептицизмомъ, похожимъ съ вида на самое беззаботное легкомысліе.

Ева о себѣ ничего не рассказывала. Въ глубинѣ ея черныхъ глазъ, въ лучахъ взгляда, скрытаго тѣнью рѣсницъ, казалось, хранилась тайна; если этой тайнѣ измѣняла внезапная блѣдность, если невольный вздохъ выдавалъ ея волненіе, Ева призывала на

помощь лучезарную улыбку, которая привлекала вниманіе и прерывала наблюденія постороннихъ.

— Очень натурально, что я не выйду замужъ, — говорила Лидія. — Я фантастична, самовластна и смѣюсь надъ вздыхателями. Но ты — красавица, добрая, достойная — не должна отказываться составить счастье человѣка. Это будетъ грѣхъ.

Ева ничего не отвѣчала.

Лидія подумала о Маріо Авелла. Этотъ молодой ученый рѣдко показывался въ обществѣ, но бывалъ вездѣ, гдѣ могъ встрѣтить Еву: въ театрѣ, въ концертѣ; какъ только показывалась очаровательница, въ толпѣ являлся Авелла. Но прошло около двухъ лѣтъ, а онъ все молчалъ.

Но разъ, наконецъ, особенная награда и отличіе министерства сдѣлали Авелла знаменитымъ на цѣлыя сутки. Весь городъ заговорилъ о молодомъ сицилійцѣ. Лидіи показалось, будто ея подруга вспыхнула отъ радости, и, въ надеждѣ открыть ея тайну, она вдругъ сказала:

— Я слышала, правительство предлагаетъ Авелла важное порученіе за границей. Онъ приметъ, не правда ли?

Ева разсматривала вышиванье и сказала спокойно, не обращиваясь:

— Не знаю. Хорошо сдѣлаетъ, если приметъ. Слава — обольстительная сирена.

— Обольстительнѣе, чѣмъ женщина? — спросила Лидія, просовывая зазорное личико между вышиваньемъ и лицомъ подруги.

— Можетъ быть, — отвѣтила, смѣясь, миссъ Сеймуръ.

Съ этого дня Лидія перестала думать, что Авелла занятъ Евой, тѣмъ болѣе потому, что молодой человѣкъ вдругъ исчезъ. Друзья его говорили, что онъ уѣхалъ въ Сицилію по своимъ семейнымъ дѣламъ. Ева, между тѣмъ, отказала нѣсколькимъ богатымъ женихамъ и все рѣже являлась въ обществѣ. Въ началѣ зимы ея здоровье разстроилось. Отецъ, который жилъ только ею, сейчасъ же увезъ ее на берегъ моря, въ Санъ-Ремо.

Лидія осталась одинокой.

Ея положеніе въ свѣтѣ было довольно странно. Своимъ умомъ она постигла всю безнравственность свѣта и хотя никому никогда не дала ни одного поцѣлуя, но знала, что на ея счетъ ходятъ сотни грязныхъ сплетенъ. Она чувствовала, что кругомъ нея все колеблется, что земля уходитъ изъ-подъ ногъ, и поступала,

какъ люди, которые, чтобы не сознаться, что пьяны, пьютъ еще больше. Она уже не могла жить безъ какого-нибудь возбужденія.

Она искала радости въ свѣтскомъ успѣхѣ, въ искусствѣ, въ чтеніи книгъ послѣдней натуралистической школы, — во всемъ, что фантазирующая чувственность можетъ представить женщинѣ, избалованной богатствомъ. Она довела до недостигаемой высоты культъ самой себѣ, красотѣ и нарядамъ, пресытилась поклоненіями и уже не знала, чего просить ни у себя самой, ни у другихъ.

Смерть матери заняла ее надолго, но однажды она съ ужасомъ замѣтила, что у нея нѣтъ уже и слезъ.

«Кончено,—подумала она,—я и страдать не умѣю».

Ее охватило томленіе хуже того, которое она испытала при смерти матери. Теперь уже умерла она сама, Лидія... Что дѣлать? Къ чему привязаться? Въ чемъ, въ комъ еще искать возбужденія?

Столько лѣтъ она глядѣлась въ зеркало, принимала и отдавала визиты, бывала въ театрахъ и на гуляньяхъ, смотрѣла, какъ мимо нея тянулись вереницей чудеса искусства и промышленности, приучала къ нѣгѣ свое тѣло и воображеніе, остроумничала, кокетничала, слушала ложь и лгала!... Устала!... Нѣтъ ли чего еще? Ничего нѣтъ!

Костанца писала ей длинныя письма; онѣ дышали ясностью души, достигшей своего призванія. Костанца тоже устала, поняла обманы свѣта, который считала ее прекрасною, доброю, достойною, а любви дать ей не умѣла. Костанца отцвѣла въ одиночествѣ, призывая человѣка по-сердцу, но на призывъ никто не явился... Костанца-Джеронима поступила по примѣру своего идеала, давно умершей Костанцы-Джеронимы: та принесла себя въ жертву милому человѣку, эта—своей высокой идеѣ. Времена переѣмались: міру нужны не монахини. Костанца не постриглась, но отдалась любви къ ближнему, заботамъ о ближнихъ.

Это самоотреченіе молодой дѣвушки, этотъ гордый разрывъ съ обществомъ произвели глубокое впечатлѣніе на Лидію. Она была настолько смышлена, что понимала величіе гордости, преобразившейся въ добродѣтель.

Она захотѣла подражать этому: лихорадочно принялась отыскивать бѣдныхъ, записалась въ разныя общества, захотѣла быть патронессой.

Въ простомъ черномъ платьѣ, гладко причесанная, въ со-

провожденіи стараго лакея, она предприняла странствованія въ госпитали, въ убѣжища для стариковъ, въ *ясли* для новорожденныхъ, въ дѣтскіе пріюты. Она увидѣла новый міръ: настоящіа болѣзни, настоящую бѣдность, настоящіа слезы; услышала плачь истощенныхъ дѣтей, чохоточный кашель дѣвушекъ, жалобы дряхлыхъ, хрипѣніе умирающихъ...

Она занемогла и пролежала дней шесть въ постели, страдая отъ всѣхъ болѣзней, которыя видѣла; ей снились больничные покои, темныя стѣны, кровати рядами и огромное деревянное распятіе—образъ вѣчной скорби надъ этою ежедневною скорбью.

Выздоровѣвъ, она пожелала узнать печали другаго рода. Бодро и смѣло поднялась она на лѣстницы къ бѣднякамъ, въ жилища тружениковъ и увидала женщинъ, постарѣвшихъ преждевременно отъ лишеній и труда, мужчинъ отупѣлыхъ, дѣтей заброшенныхъ, проклятыхъ. Любовь, дѣтство, семья, — все, что видѣлось ей сквозь свѣтлый туманъ богатства, что казалось ей источникомъ радости, — все было только новымъ поводомъ для горя. Вмѣсто поцѣлуевъ и ласки,—этихъ нѣжныхъ цвѣтковъ,—ругательства, упреки, богохульства, пустые очаги, грязныя постели... Ужасъ и отвращеніе!... Она заговаривала съ женщинами,—ее не понимали. Мужчины смотрѣли подозрительно или равнодушно... Что можно сдѣлать для такихъ?

Лидія стала еще больше одинока; у нея въ душѣ охолодѣло, пропало мужество. Въ двѣ недѣли она истратила тысячу лиръ, не залечивъ ни одной раны, не принеся никому счастья и, главное, не испытавъ минуты удовольствія.

Она отказалась отъ посѣщенія бѣдныхъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЛИДІЯ *).

Романъ

Нозы.

Переводъ В. Крестовскаго (псевдонимъ).

IX.

Черезъ два года послѣ смерти матери Лидія снова показалась обществу въ театрѣ. Она явилась неожиданно; нарядъ, движенія, увѣренность, — совсѣмъ какъ у замужней женщины. Съ нею былъ донъ Леопольдо, въ качествѣ уже не ментора, а кавалера.

Она сѣла впереди и тотчасъ навела бинокль на дальнія ложи. На ней было черное бархатное платье, открытое до невозможности; въ волосахъ — два огромные брилліанта, будто росинки въ глубинѣ двухъ черныхъ розъ; вмѣсто вѣера — прихотливо связанный пучокъ черныхъ перьевъ. На нее всѣ оглянулись.

Лидія безстрашно выдержала перекрестные взгляды, поднявъ голову и выставляя грудь, увѣренная въ красотѣ своихъ рукъ и шеи.

Даже тѣ, кто давно зналъ ее, нашли, что она похорошѣла; но прошла минута, въ которую Лидія показала новинкой, и всѣ припомнили, что ей, должно быть, уже лѣтъ двадцать шесть, двадцать восемь.

Но Лидія была богата, неглупа, держалась свободно, — слѣдовательно, и съ нею можно было держаться свободно, а въ праздныхъ людяхъ недостатка не было. Опять начались рысканье по свѣту, по баламъ, комплименты, ухаживанья; старые обожатели пошли по старой дорожкѣ, новые, изъ любопытства, пробовали счастье. Такъ прошелъ годъ. Лидія начинала чувствовать усталость.

*) *Русская Мысль*, кн. I.

Ей случалось зѣвать, когда камеристка докладывала, что готово одѣваться; она раздѣвалась нехотя, одѣвалась равнодушно. Случалось, вечерами, когда никто не приходилъ, Лидія засыпала въ креслѣ у камина, напротивъ спящаго дяди. За компанію съ ними, на коврѣ почивала книжка *Revue des Deux Mondes*.

Быль бурный мартовскій вечеръ. Дождь заливалъ городъ, буря выла и ломала деревья. Донъ Леопольдо стоялъ и смотрѣлъ на небо. Носки золоченыхъ туфель, мелькая передъ нимъ то вверхъ, то внизъ, означали присутствіе Лидіи на качалкѣ.

Полчаса никто не сказалъ ни слова; такъ бывало часто: говорить имъ было нечего. Лидія знала все, что могъ сказать старикъ, и все это было такое старое, что она не трудилась отвѣчать; но сегодня онъ оставилъ даже покушенія на бесѣду. Онъ понималъ, что онъ существо ненужное, тѣнь, — подобіе чего-то, и покорялся кротко, благодушно, съ безмолвнымъ достоинствомъ аристократа.

Оба они смертельно скучали.

Вдругъ въ комнату вошла миссъ Сеймуръ и, не говоря ни слова, съ рыданіемъ упала въ объятія Лидіи. Съ ней случилось большое несчастье: торговый домъ, въ которомъ баронетъ Сеймуръ помѣстилъ свои капиталы, обанкротился; отецъ и дочь лишились почти всего своего состоянія.

Прежде Лидія не поняла бы величины такого несчастья, но теперь понимала. Ей представилась Ева въ лохмотьяхъ, на темномъ чердакѣ, — Ева, у которой «ничего нѣтъ». И Лидіи стало какъ-то страшно. Доброе чувство сейчасъ потянуло ее на помощь; она предложила свой домъ, деньги, все что можетъ, — предложила искренно, не рисуясь. Донъ Леопольдо былъ тронутъ, Ева опять заплакала отъ умиленія; Лидія сейчасъ бы все отдала: имѣнія, брилліанты, чтобы возвратить подругѣ все, что отняла у нее судьба. Высокая потребность жертвы, выразившаяся въ попыткахъ благотворительности, возродилась вдругъ, еще усиленная чувствомъ дружбы; Лидіи казалось, что ея сердце раскрывается, расширяется передъ волной новаго наслажденія. Она цѣловала, утѣшала Еву, смѣялась; ея лицо свѣтилось ласкающимъ свѣтомъ; она будто переродилась.

Но восторги должны были затихнуть передъ холоднымъ разсудкомъ. Ева, растроганная и серьезная, доказала ей невозможность принять такую жертву. Ея гордый отецъ не позволить;

онъ и не смутился, узнавъ о несчастіи... Но она, Ева, страдала только за отца; она знала, что для него—въ ней вся сила, вся надежда. Она будетъ работать; но надолго ли у нея станеть силы работать?

Мысль, что Ева будетъ работать, снова привела Лидію въ содроганіе. Ева съ трудомъ освободилась отъ выраженій ея нѣжности и ушла, унося съ собою отрадное чувство.

На другой день и въ слѣдующіе Лидія жила одною Евой; отправляясь къ ней, она брала съ собой деньги, ожидая, что увидить ее въ страшной нищетѣ, и удивлялась, встрѣчая невозмутимое достоинство сэра Эдварда и кроткую покорность Евы, попрежнему, ясной. Лидія приходила въ восторгъ отъ такого мужества и все больше тосковала, чувствуя свое безсиліе.

«Какъ я несчастна!—думала она.—Даже деньгами помогать не могу!»

Вокругъ нея все больше пустѣло: вотъ и богатство ни къ чему!... О, во сколько разъ счастливѣе Ева!

Ева составила планъ. У нихъ оставалось маленькое родовое помѣстье; отецъ поселится тамъ, далеко отъ общества; она уже написала въ Англію, прося, чтобы поискали ей мѣсто гувернантки. Но на все это было нужно время, а покада «свѣтъ» продолжалъ видѣть могучаго старика съ высоко поднятою головою и его златокудрую дочь, которую продолжалъ находить, попрежнему, прелестною.

Вдругъ въ этомъ «вышемъ свѣтѣ» пробѣжала новость: Маріо Авелла прилетѣлъ изъ глуши, изъ Сициліи, и посватался за миссъ Еву Сеймуръ. За два года, проведенные вдали отъ эlegantнаго общества, молодой ученый составилъ себѣ обезпеченное положеніе и могъ просить руки миссъ Сеймуръ, не навлекая на себя подозрѣній въ расчетѣ.

Эта благородная любовь заставила Еву и Лидію пролить много слезъ, понятныхъ женщинамъ. Ева плакала радостно. Слезы Лидіи были странныя, горькія, жгучія. Она вскакивала ночью и рыдала; ей снилось, что у нея отняли что-то дорогое, что ее ограбили, бросили на улицѣ... Мысль о Маріо Авелла колола ее въ сердце.

— Слушай, Ева,—горько сказала она,—ты со мною скрытничала, никогда не говорила, что любишь его.

— Видно, что ты никогда не любила,—тихо возразила Ева.

Лидія вспыхнула, будто ее ударили, и залилась слезами, прижавъ къ ней на плечо.

— Ты говоришь: я не любила. А кто виновать? Гдѣ любовь? Я не видала ее! Вотъ теперь маркизь Струтти хочетъ женить на мнѣ своего сына... Молодой человѣкъ увлекся какою-то танцовщицей, такъ родители желаютъ, чтобъ онъ остепенился... хотя бы только для вида... И повсюду одинъ расчетъ, лицемеріе, грязь... О, правда, что для того, чтобы не видать горя, надо быть животнымъ или стать выше человѣка! Я не животное, и вотъ въ томъ-то все мое несчастіе.

Ева хотѣла возражать, но Лидія зажала ей ротъ.

— Молчи, молчи! Ты скажешь о себѣ? Да, вѣдь, ты одна въ своемъ родѣ.

И вдругъ, съ тѣмъ порывомъ, за которые она заслужила названіе полоумной, Лидія бросилась на шею своего дяди.

— Вотъ мой муженекъ, покорный мой муженекъ: не спорить, слушается и вѣренъ!... Такъ ли, донъ Леопольдо? Вѣдь, вы вѣрны вашей неисправимой Лидіи?

Она звонко расцѣловала его въ обѣ щеки.

Х.

Свадьба Евы и Маріо Авелла прошла скромно, безъ огласки; они не хотѣли выставляться на-показъ и собирались на медовый мѣсяцъ уѣхать въ Сицилію.

Ева пришла проститься къ Лидіи; на этотъ разъ она сняла свой дѣвичій нарядъ, простой, по англійскому обычаю; ея темно-золотистое платье мягко гармонировало съ тидіановскимъ золотомъ ея волосъ; она сіяла счастьемъ, красотою, прелестью... Много онѣ обнимались на прощанье. Ева показала письмо Бостанцы,—благословенія новобрачной отъ подруги-отшельницы.

— Теперь я совсѣмъ одна!

Лидія старалась улыбаться и щипала себѣ руки, чувствуя, что кровь въ ней холодѣетъ. Наконецъ, у нея вырвался крикъ боли и бѣшенства и стало вдругъ будто легче.

И она начала новый періодъ жизни.

Было лѣто, театры закрыты, праздниковъ нѣтъ. Въ маленькихъ собраніяхъ Лидія скучала, встрѣчая все непріязненныхъ людей, которые злобно перетолковывали всякое ея слово, всякое

ея живое движеніе,—тѣмъ болѣе злобно, что она, казалось, сама вызывала общество своими эксцентричными дѣйствіями.

Пріятельницъ у нея не было. Въ качествѣ друзей у нея бывали Кальми, Лонте, два-три офицера, изъ крупныхъ, одинъ небогатый депутатъ, которому очень нравилось ея богатство. Но ее не занималъ никто. Она принимала гостей, лежа въ качалкѣ, съ сигареткой въ зубахъ, и, нисколько не заблуждаясь, отлично знала слабыя стороны этихъ господъ. Они говорили обо всемъ, не стѣняясь: Лидія «претендовала на свободомысліе» и ничего такъ не боялась, какъ прослыть наивною.

Чего бы ни стоило, но не быть смѣшной! Лидія бросилась въ крайность, старалась казаться холодной, безсердечной, все осмѣивала, пронизиговала. Она разспрашивала мужчинъ о случившихся скандалахъ, о шумныхъ процессахъ, о житѣ буртизаногъ,—совсѣмъ какъ опытная, все знающая женщина. Мужчины, конечно, дѣлались смѣлѣе. Лидіи приходилось пускаться въ ходъ всю свою изворотливость, но это, по крайней мѣрѣ, расшевеливало ее среди апатіи.

Она выѣзжала одна, чаще въ каретѣ; иногда рано утромъ выходила тоже одна, съ огромною датскою собакой, отъ которой разбѣгались прохожіе. Нѣсколько времени эта красивая собака была страстью Лидіи. Лидія увѣряла своихъ пріятелей, что она все понимаетъ, а не говоритъ только для того, чтобы не быть похожей на людей. Для своихъ раннихъ прогулокъ Лидія придумала даже особый, оригинальный, полумужской костюмъ.

Донъ Леопольдо не прекословилъ ей ни въ чемъ; Лидія крѣпко захватила власть, и если не приказывала, то—хуже—цѣловала. Старый аристократъ съ годами одурѣлъ, и хотя улыбался, механически показывая вставные зубы, но для себя молилъ только одного, чтобъ ему оставили его *Revue des Deux Mondes*.

Этимъ лѣтомъ Лидія не хотѣла ѣхать ни на какія купанья; море, горы, табль-д'оты ей надоели. Жаркое время она провела въ Бельджирате, лежа въ гамакѣ подъ тѣнью своего сада. Въ эти мѣсяцы она перечитала всѣ романы Флобера, Дроза, Додэ, новѣйшія—Бурже и Мопассана, прочла и Толстаго, потому что онъ въ модѣ, и Зола, который, говорятъ, сабрезенъ, но ей, напротивъ, показался скученъ. Ей прислали и итальянскіе романы; она ихъ и не разрѣзала. Выписала стихотворенія Кюппе,—еще разочарованіе. Ей понравилось только *Angelus*; ребенокъ тамъ растетъ между стариками и умираетъ потому, что не можетъ проявить свою горячую молодость. Ее это очень тронуло.

Нѣсколько дней у нея не выходило это изъ головы. Точно будто *Angelus* разбилъ надъ нею каменный сводъ и открылъ безконечность небесъ, гдѣ странствуетъ поэтъ. Въ ея воображеніи пробѣгало пламя; она, вздрагивая, спрашивала себя, не найдетъ ли и ей утѣшенія; ей хотѣлось выразить свои чувства, пожить умственною жизнью, но у нея отпадали руки: видѣть не значить передавать, ощутить самой—не то, что убѣдить другихъ.

Подъ впечатлѣніемъ высокаго созданія, ея сердце билось и страдало, какъ будто и она сама была художница; но для искусства мало страданій и біенія сердца: страдая и любя, художникъ еще долженъ творить.

Лидія походила на ребенка, котораго орелъ уносилъ въ высоты. На минуту, казалось, она властвовала надъ міромъ; спустясь же на землю, она замѣтила, что летала не на собственныхъ крыльяхъ.

Но она была настойчива и продолжала искать.

Въ деревнѣ, одна, въ непривычномъ одиночествѣ, пропитавшись всѣмъ, что прочитала, она стала всматриваться въ природу. Особенно привлекала ее тишина лѣса, его таинственный покой; зеленые своды деревьевъ очаровывали ея воображеніе. По цѣлымъ часамъ, неподвижно, наблюдала она очертанія каштановъ, ихъ пышныя протянутыя вѣтви, согнутыя будто вырѣзные своды. Ей казалось, что она—жрица чуднаго храма; ей слышалось таинственное пѣніе; цвѣты благоухали будто кадила, колеблящіяся въ невидимыхъ рукахъ. Вздошная, она поднимала руки, хотѣла обнять невѣдомаго духа, пославшаго ей это сладкое волненіе, хотѣла поклониться божеству этого храма... но духъ не являлся, а Бога она не знала.

Какая-то сила, —она видѣла это ясно,—соединяла все живущее, привязывала, притягивала насѣкомое къ былинкѣ, мохъ къ камню, птичку къ вѣткѣ, ручей къ берегамъ, бабочку къ цвѣтку, дерево къ землѣ... Она одна затеряна, ей одной не отзывается ничто во всей этой гармоніи; она одна не держится ни за что, не тяготѣетъ ни къ чему... и къ ней никто. Нѣтъ прошлаго; въ будущее нѣтъ вѣры...

Къ ней скоро опять воротилась усталость, скука. Какъ автоматъ, покорный своимъ винтамъ, она позволяла увлекать себя на катанья по озеру, на всѣ сосѣдніе рауты, на всѣ пикники, и газеты заговорили о ея оригинальныхъ туалетахъ.

Въ октябрѣ у нея явилась страсть ѣздить верхомъ. Движе-

ніе и свѣжій воздухъ нѣсколько успокоили ея нервы; она стала сильнѣе, веселѣе.

Отъ кавалькадъ легко перейти къ охотѣ. Лидія выѣзжала раннимъ утромъ въ обществѣ нѣсколькихъ мужчинъ и одной русской дамы, съ которою познакомилась на озерѣ. Это были (включая и даму) отчаянные спортсмены; Лидія не могла съ ними соперничать, но справлялась съ своимъ элегантнымъ ружьемъ, смѣялась надъ своею неловкостью и всячески старалась найти удовольствіе въ этомъ новомъ занятіи. Самое настоящее веселье было всегда за завтракомъ въ полѣ, гдѣ пробки шампанскаго летали выше деревьевъ. И затѣмъ—анекдоты, пикантныя исторіи.

Одинокая, печальная дома, Лидія приносила въ общество свое прежнее, «старинное» увлеченіе, какъ надѣваютъ артистки поддѣльные брилліанты. Развязность и сарказмъ стали ея вѣчною маской. За то ее и называли «безсечною», «пустою головой», «отъявленною кокеткой». Свѣтъ принималъ вызовъ, который она ему безпрестанно бросала; бой шелъ отчаянный, безъ перемирій, прикрытый сладкими улыбками... Она бы умерла, но не уступила.

Съ перваго появленія въ обществѣ она поняла, какое важное мѣсто занимаетъ въ немъ женщина, но женщина умѣлая, ловкая, не щепетильная, опытная и самоувѣренная. Но, ухватившись за эту истину для того, чтобы ею воспользоваться, Лидія не рассчитала громадной разницы положенія замужней женщины и дѣвушки. Что можно одной, то запрещено другой. Лидія вообразила, будто ловкость и богатство дадутъ ей независимость, будто она достаточно сильна, чтобы разбить мнѣніе, сложившееся вѣками.

Слишкомъ поздно замѣтила она свою ошибку, — замѣтила только тогда, когда осталась въ неопредѣленномъ положеніи и между дѣвушками, и между замужними, а особенно между мужчинами, которые, не зная, какъ судить о ней, стали судить дурно.

Другая ошибка: у нея не было любовника, но, вѣчно окруженная мужчинами, она аффектированно держалась по-мужски. Однимъ это казалось противно, другимъ—непонятно и всѣмъ—смѣшно. И выходило, что вмѣсто одного любовника, котораго не существовало, Лидіи приписывали многихъ. Выдумки въ подобномъ случаѣ ничего не стоятъ.

Одинъ непріятный случай на нѣкоторое время оттолкнулъ ее отъ мужскаго общества. Во время охоты она познакомилась съ однимъ молодымъ офицеромъ, смѣялась надъ нимъ, дразнила

его, вызывала перегоняться, общала цвѣтокъ, который былъ приколотъ къ ея корсажу, то-есть она дѣлала то же, что дѣлала съ другими, чтобы позабавиться, блеснуть, понравиться.

Но офицеригъ, плохой знатокъ тайниковъ женскаго сердца, привычный имѣть дѣло съ женщинами другаго сорта, вообразивъ, что можно рискнуть всѣмъ, вздумалъ пойти на приступъ. Было вечеромъ, въ саду. Лидія, видѣ себя, оттолкнула его, сломила вѣтку акаціи и прогнала его вонъ, какъ собаку.

Она вошла въ домъ, крича отъ бѣшенства... Оскорбить ее!... Да какъ онъ посмѣлъ?

Она еще больше возненавидѣла мужчинъ, удвоила злость, вызовы... О, еслибъ у всѣхъ мужчинъ было одно лицо,—отхлестать бы всѣхъ разомъ!... Но и среди такой ярости она не могла обойтись безъ нихъ. Ей было необходимо слышать эти твердые, мѣрные шаги, испытывать пожатія сильныхъ рукъ, оставлявшія слѣды колець на ея нѣжныхъ [пальцахъ, прислушиваться къ звукамъ этихъ полныхъ, глубокихъ голосовъ, отъ которыхъ пробѣгаетъ дрожь по всему тѣлу.

XI.

Наступилъ ноябрь; деревья потеряли свой зеленый уборъ; вѣтеръ вылъ, клоня къ землѣ верхушки каштановъ. Сѣрый покровъ окутывалъ небо и горы, сѣрый туманъ вставалъ съ земли и съ озера, какъ будто изъ жалости набрасывая саванъ на эту агонію.

Нѣсколько дней Лидія испытывала глубокое наслажденіе: печаль окружающаго и печаль въ себѣ самой. Пріятно скакать по пустымъ дорогамъ, весело грѣться, упираясь ногой въ рѣшетку камина, когда распущенные волосы еще пропитаны живительною сыростью лѣса.

— Остаться развѣ здѣсь на зиму?...

Но на другой день она передумала, заглянувъ въ свой городской домъ, гдѣ не была нѣсколько мѣсяцевъ. Тамъ нужно многое, переменить. Необходимы столяры, обойщики. Устарѣлая мебель обветшалыя драпировки ооратили ея мысли въ другую сторону.

Развѣзжая, она встрѣтила Еву. Синьора Авелла сказала, что тоже занимается устройствомъ своего «скромнаго» гнѣзда. У Лидіи сжалось сердце. Слова «скромное гнѣздо» напомнили ей многое, указали на благо, которое ей, Лидіи, не давалось.

— Не правда ли, ты счастлива?

Ева не отвѣчала, но улыбнулась и взглянула на нее съ состраданіемъ.

— Такъ знаю же я, что сдѣлаю,—вскричала Лидія съ рѣзкимъ смѣхомъ.—Положу въ шляпу билеты съ именами всѣхъ моихъ вздыхателей и выйду за перваго, который вынется... если только и счастья, что въ замужствѣ!

Въ тотъ же день, волнуясь любовными мечтами, она купила себѣ бархатное одѣяло; узоръ — XIV вѣка; по блѣдно-перловому фону — фіолетовые зажженные факелы и голубыя ленты, «узлы любви». Одѣяло дало мысль переменить въ комнатѣ все. Лидія заняла бывшую спальню своей матери, просторную, угловую, выходившую окнами въ старый садъ. Вынесли старую бархатную мебель, коверъ съ розами, сняли потускнѣлое зеркало, обои съ золотыми цвѣточками и кружевные занавѣски, осталась только Мадонна—головка Мурилльо, и то только потому, что Лидія находила сходство между ею и собой.

Лидія вся отдалась своей новой забавѣ. Въ лихорадочныхъ хлопотахъ, она забывала даже наряжаться; бѣгала непричесанная, не одѣтая, среди хаоса ковровъ и свертковъ, приказывала, отмѣняла приказанія. Сначала она вздумала устроить себѣ ложе просто изъ груды подушекъ, арабскую палатку... Какъ бы подивились знакомыя дамы! Но тогда какъ же быть съ «средне-вѣковымъ» одѣяломъ?... Она отказалась отъ арабскаго жанра, но средне-вѣковый черезъ-чуръ сухъ, суровъ... Къ чему гнаться за чистотой стиля?

Въ углу комнаты былъ воздвигнутъ огромный балдахинъ вродѣ алькова, подъ занавѣсками фіолетоваго бархата, и между складками — головка Мурилльо. Прекрасное одѣяло разстилалось на низкой, широкой постели, пышной и мягкой до неприличія. Обойщики были увѣрены, что это брачная постель синьорины.

— Ты въ этой постели утонешь,—замѣтилъ донъ Леопольдо.

— Нѣтъ,—просто отвѣчала она,—мнѣ будетъ покойно.

— Это мнѣ кажется какъ-то... неловко,—еще продолжалъ, запинаясь, донъ Леопольдо.

— Почему?

Мудрено было бы сказать почему, и по яснымъ глазамъ Лидіи было видно, что она нисколько не догадывалась. Помолчавъ и подумавъ, она прибавила, пожимая плечами:

— Что-жь, вѣдь, никто не увидитъ, какъ я лежу въ постели.

Остальная часть комнаты наполнилась множеством модной, странной, миниатюрной мебели; прозрачно-пестрыя занавѣски оконъ и фіолетовыя тяжелыя драпировки придавала всему пріятный, таинственный полусвѣтъ. Отдѣливъ ширмой одно окно, Лидія устроила себѣ кабинетикъ. Онъ сталъ ея любимымъ уголкомъ. На лаковыхъ ширмахъ были изображены сельскія сцены и напудренные пастушки въ фижмахъ и розахъ. Лидія догадалась, что тутъ необходима рабочая корзина, и завела ее—съ голубыми ленточками, съ золотымъ наперсткомъ, съ вычурными ножницами.

«Въ дурную погоду я буду здѣсь работать», — думала она очень серьезно, раскладывая всѣ эти вещи.

На стѣнахъ висѣли фотографіи актрисъ и модныхъ красавицъ; съ потолка, какъ птица, свѣшивался огромный японскій вѣеръ. Уголокъ былъ загроможденъ до невозможности; бѣдную маленькую пальму, чтобъ она не беспокоила Лидію своими листьями, прижали совсѣмъ къ стекламъ.

Въ хлопотахъ, Лидія незамѣтно дожила до конца года и еще нѣсколько недѣль доставляла себѣ удовольствіе, показывая комнату своимъ пріятелямъ. Сначала она только останавливалась на порогѣ; но потомъ ей какъ-то лѣнь было подняться съ мѣста и она, лежа въ своемъ креслѣ, приняла визитъ Кальми. Что-жь, старый знакомый... Принявъ Кальми, изъ чего беспокоить себя для другихъ? Кружокъ мужчинъ располагался около ширмъ, за ширмами, покойно или непокойно, какъ кто могъ; тѣснились, наступали на ноги, сталкивались, но много смѣялись.

Все высшее общество пришло въ ужасъ. Одна старая маркиза, много лѣтъ служившая бѣсу и обратившаяся къ благочестію, явилась съ великимъ церемоніаломъ, во имя честныхъ дамъ, обращать Лидію, доказывая ей, что благородныя дѣвицы такъ себя не ведутъ. Лидія взбѣсилась, не дала кончить проповѣди и возразила, что если эти честныя дамы принимаютъ своихъ пріятелей въ постели, то она можетъ принимать своихъ въ спальнѣ.

Это было черезъ-чуръ сильно даже для Лидіи. Ее начали избѣгать, едва принужденно кланялись, наконецъ, совсѣмъ оставили. Защитить ее было некому, — донъ Леопольдо впалъ въ ребячество и считался защитникомъ только по имени. Лидія иногда сознавала свое ложное положеніе, но выхода изъ него не видѣла; ее оплела сѣть подозрѣній, клеветы, злобы, а какъ разор-

вать ее, она не знала. Она чувствовала себя чище, благороднѣе обвинителей и не хотѣла перемѣниться.

— Я ничего дурнаго не дѣлаю,—оправдывалась она.

Всякій день она все больше выказывала отваги и презрѣнія къ приличіямъ, не переставая волноваться въ душѣ.

Буда дѣвать время? Ей всякій день представлялась эта трудная задача. И чаще всего, не трудясь разрѣшать ее, Лидія погружалась въ свое кресло безъ желаній, безъ любопытства, безъ влеченія.

На какой-то благотворительной лотереѣ она выиграла хорошенькій револьверъ,—игрушку, которую сейчасъ же положила на свой столикъ, ради оригинальности, и показывала пріятелямъ. Тѣ, въ шутку, надарили ей кинжаловъ, красивыхъ рапиръ, и она все это развѣшала рядомъ съ вѣромъ; новизна во что бы то ни стало.

Въ началѣ зимы она принялась часто бывать у синьоры Авелла. Она въ самомъ дѣлѣ ее любила. Ева оставалась ея единственною пріятельницей послѣ добровольнаго отъѣзда Костанцы. Ева тоже любила Лидію горячо и искренно, но Лидія замѣтила, что, выйдя замужъ, Ева перемѣнилась, на объятія отвѣчала ласково, но какъ будто разсѣянно, принужденно; разговоры не клеились,—говорилось одно, думалось другое. Лидіи случилось видѣть Еву вмѣстѣ съ Маріо, и ей казалось, будто она стѣснялась. Ева была привѣтлива, Маріо почтительно раскланивался; усаживались всѣ трое, а бесѣда не завязывалась.

ХІІ.

— Вы серьезно не хотите идти замужъ?

— Вы серьезно меня спрашиваете?

Лидія и адвокатъ Кальми смотрѣли другъ на друга въ упоръ, при блѣдномъ свѣтѣ лючерны, завѣшанной кружевами.

Лидія много выѣзжала въ этотъ день, устала, почти ничего не ѣла; въ пустую, холодную гостиную идти не хотѣлось; когда доложили о Кальми, съ кресла подняться не было силъ, да и не стоило. И ничто не стоитъ труда; въ жизни только и есть сноснаго, что безграничная свобода. За нее дорого платится, такъ, по крайней мѣрѣ, хоть пользоваться ею.

И Лидія погрузилась въ кресло, скрестивъ ножки на мягкой скамейкѣ,—преlestныя ножки въ сѣрыхъ чулкахъ и туфляхъ,

черныхъ съ серебромъ. Алое бархатное платье было опущено чернобурымъ лисьимъ мѣхомъ, нѣжныя руки открыты и опутаны, какъ четками, жемчугомъ.

— Серьезно? — повторила она, не договорила отъ скуки и зѣвнула.

— Вы сами говорите, что устали.

— Да, но я не хочу, какъ въ *Madame Angot*...

Кальми засмѣялся. Въ нѣсколько лѣтъ короткаго знакомства они лучше поняли другъ друга. Ихъ умы были сотворены для взаимнаго пониманія, но они были слишкомъ схожи, и это сходство не вызывало симпатіи, а, напротивъ, отталкивало. Долгое время они, оба гордые, оба одинаково скептики, все оставались на-сторожѣ, глядѣли подозрительно. Лидія слушала, безъ разбора, все, что говорилось о Кальми. Онъ былъ вѣчно съ тѣми, кто говорилъ о ней дурно.

— Знаете, я была на балу въ *собраніи*.

Онъ рѣзко повернулся, пожавъ плечами.

— Въ *собраніи*? Когда?

— Въ среду.

— А!.. И что же, веселились?

— Очень! — отвѣчала она рѣзко и насмѣшливо. — Удивляетесь?

— Я? Нѣтъ... Съ дономъ Леопольдо?

— Съ баронессой фонъ-Штернъ. Премилая женщина! Я съ ней не видалась нѣсколько лѣтъ; она все жила въ Вѣнѣ.

— Похожа на свою маменьку?

— И да, и нѣтъ. Порядочнѣе, симпатичнѣе... А скажите правду (она оставила играть ножомъ и скрестила руки), вы какъ будто удивлены тѣмъ, что дѣвица, синьорина, была въ *собраніи*?

— Помилуйте, къ чему насъ синьорины ни приучили! Увѣрю васъ, я не удивленъ нисколько.

— Отлично. Вы считаете меня чудовищемъ разврата. Но, все-таки, не отрекаюсь: я хочу знать, въ какихъ моряхъ я плаваю.

— И вы веселись въ *собраніи*?

— Ну, да, я вамъ сказала, очень. Мнѣ казалось, что я въ аду. Позабыть совсѣмъ все, что есть, напиться до безчувствія и провалиться въ самую глубину... можетъ быть, это и есть самое счастье.

Кальми смотрѣлъ наблюдательно, холодно. Она продолжала, подстрекая сама себя:

— Я видѣла тамъ важныхъ господъ, — чиновные, ученые; все серьезные особы, которые, обыкновенно, на меня свысока по-сматриваютъ... они ломались, орали, какъ паяцы...

Она отвертывалась отъ его взгляда.

— Женщины особенно меня заинтересовали...

Кальми молчалъ. Голосъ Лидіи дрогнулъ; она заговорила тихо.

— Скажите, эти женщины... это женщины, которыхъ вы любите?

— Какое вамъ дѣло, когда вы сами не хотите любить?

Лидія не ждала такого отвѣта, но онъ ей понравился: бѣда Кальми, еслибъ онъ сталъ отговариваться, какъ дѣлаютъ другіе! Она опрокинулась въ креслѣ; ея бѣлая шея красиво выказывалась изъ алаго бархата. Кальми смотрѣлъ. Для своихъ тридцати лѣтъ она еще хорошо сохранилась и могла бы выйти за какого-нибудь разорившагося маркиза, хотя бы для того, чтобъ ее не прозвали «королевой - дѣвственницей», какъ Елисавету англійскую. Онъ усмѣхнулся. Лидія оглянулась.

— Что вы подумали?

— Ничего.

— Неправда.

Онъ промолчалъ.

— Можетъ быть, размышляли о странности нашего положенія: женщина еще не старая, мужчина молодой, десять часовъ вечера, полнѣйшее уединеніе... Какой просторъ для злословія!

— Да...—выговорилъ Кальми,—да-а.

Онъ всталъ. Его движеніе, его на секунду закрывшіеся глаза напомнили Лидіи разговоръ много лѣтъ назадъ, на террасѣ, въ ту ночь, какъ умерла ея мать. Ей какъ-то вдругъ захотѣлось услышать какое-нибудь привѣтливое слово.

— Кальми, вы навсегда мнѣ другъ? Вы знаете, что въ дружбу я вѣрю.

— Я постараюсь не лишать васъ этой иллюзіи.

Онъ сказалъ это серьезно, но нѣжно, погладилъ бороду и, стоя, смотрѣлъ въ пустоту острыми, холодными глазами. Вдругъ онъ подошелъ къ стѣнѣ, гдѣ на темныхъ драпировкахъ бѣлѣли фотографіи. То были портреты красавицъ, артистокъ, балеринъ. Лидія накупила ихъ изъ любви къ изящному. Въ золотыхъ рамкахъ, онѣ гордо красовались въ этой странной дѣвичьей спальнѣ.

— Какъ хороша, не правда ли? Что за плечи! О, если бы быть такою!

— Что-жь тогда?

— Можетъ быть, и я бы любила... Да, быть первую изъ всѣхъ женщинъ! Одарить человѣка своею любовью такъ, чтобы ему и въ голову не могла придти мысль сравнить меня съ другою! Но протѣсняться, становиться въ рядъ, брать номеръ—пятая, десятая, двадцатая... знать, что меня будутъ любить не дольше, чѣмъ любили другихъ,—знать, что я сама буду любить не больше, чѣмъ другіе любили... о, этого я не въ силахъ и высказать!

Она схватилась за грудь, разбитая, измученная; ея лицо мгновенно измѣнилось; около рта, въ болѣзненной судорогѣ, сложилась морщина.

— Мнѣ иногда приходитъ въ голову,—заговорила она, тоже вставая и прислоняясь къ ширмѣ,—что, ежели мимо меня прошла любовь, а я не замѣтила?

Кальми покачалъ головой.

— Вы думаете, этого не можетъ быть?

— Нѣтъ.

Лидія потупила глаза. Оба молчали, вспоминая.

— Вы увѣрены,—выговорила она, все не взглядывая прямо,—что съ вами этого никогда не случилось?

— Увѣренъ.

Оба замолчали опять.

Лючерна бросала дрожащій свѣтъ изъ-подъ кружева. Портреты красавицъ, радостные, торжествующіе, выставляли на стѣнѣ бѣлизну пышнаго тѣла, грацію властительныхъ головокъ; одна «знаменитость», въ костюмѣ богини войны, съ обнаженными руками и ногами, въ крылатомъ шлемѣ, казалась олицетвореніемъ страсти, вызывающей чувственность на бой... Въ отблескахъ огня сверкали дамасскіе кинжалы, игрушка-револьверъ въ бархатной коробкѣ; только на ширмѣ, будто зачарованныя, неподвижныя въ своихъ граціозныхъ позахъ, виднѣлись напудренныя пастушки.

Лидія, все молча, зажгла канделябры у зеркала; вся комната освѣтилась.

— Покойной ночи,—сказалъ Кальми, подходя къ дверямъ.

— О, всѣ мои ночи покойны! Я сплю, какъ сурокъ.

Она опустила портьеру и тихо пошла въ свой уголь.

Каждый вечеръ, раздѣваясь передъ портретами красавицъ, подъ занавѣсками темнаго бархата, передъ зеркаломъ, отражавшимъ блѣдное лицо тридцалѣтней дѣвы, Лидія думала, что ее никогда не цѣловалъ мужчина. Репутація ея подорвана, сама Лидія ничему не вѣритъ, знаетъ всѣ тайны разврата... и такъ чиста, что, ложась въ свою постель, дрожить, жметъ, скрещиваетъ руки на груди, холодѣетъ отъ страха, какъ ребенокъ, запертый въ темной комнатѣ.

ХІІІ.

У Лидіи не оставалось больше подругъ, съ которыми она выросла вмѣстѣ, которыхъ любила со всѣмъ жаромъ молодости.

Синьора Авелла не бывала въ обществѣ; счастливая своею любовью, она порвала всѣ другія связи. Жизнь Лидіи и ея началась вмѣстѣ и разошлась въ разныя стороны только теперь; онѣ еще любили, но уже не понимали одна другую.

Мать Костанцы - Джеронины умерла. Костанца вступила въ число сестеръ «Краснаго Креста» и, отъѣзжая далеко, приходила проститься съ Лидіей. Онѣ разставались тяжело, но Костанца была сильнѣе. У нея было время своей борьбы—трудной, горькой, но борьба кончилась, Костанца побѣдила. Ея просвѣтленное лицо было свѣжо и молодо—признакъ равновѣсія силъ душевныхъ и физическихъ; лазуревые глаза патриціанки горды по-прежнему, но еще болѣе прежняго кротки, полны состраданія и милосердія. Разставаясь, можетъ быть, на вѣки, подруги вспомнили свою шутку, свои *девизы*.

— Ты своему вѣрна, — сказала Лидія. — *Все или ничего!*

Хотѣла прибавить, что и она вѣрна девизу *Забавляться!* но слово замерло. Она прижалась къ подругѣ, умоляя не забывать ее, и цѣлый день никого не принимала, заперлась въ своей комнатѣ, перебирая старыя замѣтки, записки и дневникъ, въ которомъ цѣлую зиму отмѣчала свои впечатлѣнія.

Этимъ временемъ она завела короткое знакомство съ дочерью графини Коломбо, баронессой фонъ-Штернъ. Въ одиночествѣ, въ разлукѣ съ подругами-ровесницами, Лидія радостно отдалась новой привязанности. То, что Лидія чувствовала къ старшей подругѣ, на чьей свадьбѣ такъ весело шутила, была въ самомъ дѣлѣ привязанность.

Дочь графини Коломбо уродилась въ свою мать: странное существо съ пламенными глазами, жаркими губами, худое, извивчивое, какъ змѣя. Порядочная среда сгладила странности ея происхожденія; Теа была образованнѣе, утонченнѣе матери, но, для наблюдателя, сквозь ужимки баронессы все сквозила искательница приключеній.

Пятнадцать лѣтъ, проведенныя въ самомъ веселомъ и испорченномъ вѣнскомъ обществѣ, доставили баронессѣ фонъ-Штернъ пикантную обольстительность экзотическаго цвѣтка. Ея духи разнились отъ всѣхъ извѣстныхъ духовъ; ея платья не согласовались съ общемою модой. Впрочемъ, ея манеры были настолько приличны, что общество принимало ее охотно.

Лидія не находила возможнымъ броситься въ объятія этой новой подруги, но онѣ видѣлись и писали записки другъ другу каждый день, отправлялись вмѣстѣ гулять, въ театръ, въ концерты. Если Лидія заставляла баронессу за туалетомъ, та приглашала ее въ уборную; Лидія въ подобныхъ случаяхъ дѣлала то же. Лидія восхищалась своею баронессой, твердила о ней повсюду, прославляла ея умъ, развязность, пикантность. Онѣ составляли громадныя планы: Теа опять поѣдетъ въ Вѣну и увезетъ съ собою Лидію. Мужъ, баронъ, будетъ, конечно, очень радъ.

— Мужъ тебѣ во всемъ даетъ волю?

— Еще бы!

Баронесса казалась совершенно счастливою женщиной. У нея былъ четырнадцатилѣтній сынъ, учившійся въ императорской коллегіи; она съ гордостью показывала его письма. Въ Вѣнѣ,—разсказывала она,—ее всѣ любятъ; ухаживаютъ за ней до того, что надоѣло; принята она въ лучшее общество. Она часто говорила о своихъ побѣдахъ, о своемъ торжествѣ, и когда говорила, въ ея глазахъ вспыхивало то пожирающее пламя, которымъ прославились глаза ея матери.

— Въ этихъ очахъ, — говорилъ Кальми, — еще два десятка лѣтъ любовнаго аппетита, десятокъ лѣтъ — на карты; не удивлюсь, если и на церковь что-нибудь останется. Порода хорошая...

Лидія сердилась... Для этого Кальми нѣтъ ничего святаго! Она зажимала ему ротъ своимъ надушеннымъ платкомъ и кричала, что баронесса фонъ-Штернъ—милѣйшая изъ женщинъ.

Разъ въ одномъ изъ магазиновъ Лидія встрѣтила синьору Авелла. Лидіи показалось, что она ее избѣгаетъ, но онѣ сошлись и пожали другъ другу руки.

— Отчего ты не ходишь ко мнѣ?—спросила Лидія.

— Я очень занята.

— Своею любовью? Но твоей мужъ не цѣлый же день дома. Лидія улыбнулась гадкою улыбкой, которой выучилась недавно, улыбкою злою, прорѣзывавшею морщины у рта и похожею на гримасу.

— Ты... все съ Теа?—спросила Ева, нѣсколько колеблясь.

— Да. Больше друзей у меня нѣтъ. Всѣ бросили.

— А ты...—продолжала Ева кротко и ласково,—ты бы бросила... ее?

— Это почему?

— Знаешь... такая семья...

— Какое мнѣ дѣло? Теа совершенно порядочная особа.

Ева замолчала, закусивъ губы. Она долго, крѣпко и горячо жала руку Лидіи. Та не хотѣла понимать. Ева отошла, тихо, печально оглядываясь.

— Такая же, какъ всѣ!—со злостью сказала ей вслѣдъ Лидія.

Въ интимности, которая установилась между Лидіей и Теа, разумѣется, не могъ быть оставленъ въ сторонѣ вопросъ о любви. Опъ обсуждался безпрестанно, но пріятельницы и въ немъ были согласны, рѣшивъ, что всѣ мужчины не стоятъ того, чтобъ ихъ любили.

— Конечно, исключая твоего мужа?

Баронесса прищурилась, посмотрѣла пристально и отвѣчала рѣшительнымъ тономъ:

— Разумѣется. Но супружеская любовь совсѣмъ не то, что вы, дѣвушки, воображаете.

— Знаю,—вскричала Лидія,—пожалуйста, не воображай меня простушкой!!

— Да и другая любовь—вовсе не любовь,—вяло продолжала баронесса и остановилась.

— Но, все-таки,—спросила дѣвушка,—совѣтуешь ты мнѣ идти замужъ или нѣтъ?

— Удивляюсь, что ты до сихъ поръ не вышла. Напримѣръ, Бальми? Порядочное имя, богатъ, симпатиченъ, образованъ...

Лидія захохотала.

— Именно Бальми-то и не захочетъ на мнѣ жениться! Ты не повѣришь, онъ никогда, ни чуточки за мной не ухаживалъ!

— Что-жь онъ такое?

— Онъ мнѣ другъ.

— Платоническій!—Теа рѣзко захохотала.—Ну, а другіе?

— О, тѣ, я думаю, меня возьмутъ; кто-нибудь ради моихъ прекрасныхъ глазъ и всѣ—ради приданого. Но мнѣ никто не нравится.

— Не слѣдуетъ обольщать себя идеалами.

— У меня нѣтъ идеала. Я ищу только, чтобы человѣкъ мнѣ нравился.

— И то ужъ много.

— Прими къ свѣдѣнію,—возразила Лидія,—что у меня есть средства, нужда не заставляетъ меня стать подъ вѣнецъ съ первымъ встрѣчнымъ. Синьорина Лидія въ мужѣ не нуждается.

— Мужъ всегда нуженъ. Это аксіома,—спокойно произнесла баронесса и прибавила:—Поищемъ его въ Вѣнѣ. У барона пропастъ кузеновъ, у кузеновъ—безъ числа пріятелей.

— Ты говорила,—вскричала, вспомнивъ, Лидія,—что у васъ безпрестанно бываетъ кузенъ твоего мужа...

— Кетскій?

— Онъ тоже изъ Вѣны?

— Его мать изъ Вѣны, отецъ—русинъ.

Прошло нѣсколько дней. Старая графиня Коломбо, сморщенная, сухая, черная, вся въ красныхъ бантахъ, играла въ своей гостиной въ *покеръ*, кричала и металась въ креслѣ, сверкая выпѣтшими глазами. На диванѣ, въ углу, Лидія и Теа разсматривали альбомъ вѣнскихъ фотографій.

— Мнѣ нравятся болѣе женщины,—сказала Лидія.—«Сильный полъ» много теряетъ на портретахъ.

— Вотъ императрица.

— Какая красавица!

— Вотъ эрцгерцогиня Стефанія... Гизель... княгиня Меттернихъ... баронесса Ротшильдъ...

— А это?—вскричала Лидія, поднося портретъ къ лампѣ, чтобы лучше разсмотрѣть.

— Это—не женщина!—насмѣшливо отвѣчала баронесса, откидываясь на спинку дивана.

— Я во всю мою жизнь не видала такого чуднаго мужского лица! Кто это?

— Отгадай.

— Наслѣдный принцъ?

Теа захохотала, закрываясь вѣромъ.

— Непремѣнно принцъ!

— Поменьше немножко.

— Такъ герцогъ?

— Не герцогъ.

— Маркизь?... Не говори — нѣтъ! Не разочаровывай меня, что этотъ полубогъ—чиновникъ, банкиръ... По крайней мѣрѣ, графъ?

— Мой кузень Кетскій,—медленно выговорила Теа.

Легкая краска пробѣжала по лицу Лидіи; глаза Теа блеснули.

— Прекрасный типъ, не правда ли? О, славяне... еслибъ ты ихъ знала!

— Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ такъ хорошъ?—спросила Лидія.

— Еще лучше,—отвѣчала Теа,—еще лучше!

Лидія неохотно оставила фотографію, разсѣянно пересмотрѣла остальные и, вставая съ дивана, еще разъ взяла въ руки портретъ Кетскаго. Баронесса слѣдила за нею и вяло проговорила:

— Поручикъ, гвардейскій гусаръ...

XIV.

Въ іюльскіе жары графиня Коломбо рѣшилась поѣхать на виллу и Теа отправилась съ нею провести послѣдніе дни своего отпуска, какъ она шутя говорила. Въ августѣ ей было необходимо; быть въ Вѣнѣ; ея сынъ выходилъ изъ коллегіи. Она взяла съ собою Лидію. Вилла была не далеко отъ города, большая, богатая, впрочемъ, удобная и совершенно уединенная среди зеленой поляны.

Теа, несмотря на свои тридцать шесть лѣтъ, стройная, живая, всегда веселая, казалась бы дѣвушкой, если бы загадочный взоръ не выдавалъ бездну мыслей и ощущеній далеко не невинныхъ. У нея былъ странно глухой голосъ, а въ разговорѣ съ мужчинами онъ принималъ какіе-то оттѣнки безсилія, нѣжащей истомы.

— Ты должна нравиться мужчинамъ!—говорила Лидія.

— Да,—отвѣчала баронесса и углы ея рта вздрагивали, — да, но за то женщины меня терпѣть не могутъ.

— А какъ же я-то?

— Ты—исключеніе.

Однажды вечеромъ Лидія замѣтила на Теа медальонъ на тончайшей цѣпочкѣ, спрятанной въ кружева.

— Портретъ твоего сына?—спросила она, протягивая руку.

— Да, сына, сына,—отвѣтила баронесса и отвернулась.

Пролетѣли четыре дня. На пятый, за завтракомъ, баронесса получила письмо, которое разстроило ее на цѣлый день. Послѣ ужина она долго говорила съ матерью. Лидія думала, что отъ барона пришли какія-нибудь нехорошія вѣсти, но ей не хотѣлось вмѣшиваться въ чужія дѣла. Уходя спать, она только сказала:

— Ты нездорова, Теа?

— Нѣтъ.

— Не могу ли я сдѣлать для тебя что-нибудь?

— Нѣтъ.

Онѣ простились и поцѣловались. Въ первый разъ Теа заперла дверь своей комнаты.

На утро Лидію разбудилъ какой-то шумъ. Она не могла больше заснуть, встала и сошла въ нижнюю гостиную. Ничего. Окна заперты, вчерашніе цвѣты увядаютъ въ вазахъ, на столахъ валяются вчерашнія газеты. Видно, что въ гостиную не входила еще даже и прислуга.

Она вышла во дворъ. Солнце было уже высоко.

Безъ цѣли, Лидія пошла тропинкой въ поле, — далеко или близко, ей было все равно. Лидіи было пріятно гулять свободно, не на виду у другихъ, не заботясь объ «эффектѣ».

Послѣ безплодныхъ попытокъ, вызванныхъ чтеніемъ Коппе, Лидія больше не принималась выражать свои впечатлѣнія въ художественныхъ образахъ. Ей было довольно *чувствовать*. Она чувствовала свѣжесть травы, воздуха и думала, что нынче въ модѣ цвѣта, которые не идутъ къ типу ея красоты. Ея взглядъ блуждалъ по лугу, испещренному цвѣтами, а въ глазахъ стояли задорныя картинны *Vie parisienne*, любимого журнала Теа... и эта двойственность щекотала ея нервы и усиливала удовольствіе.

Дорога была не пуста, встрѣчались крестьяне, крестьянки, съ деревянными башмаками въ рукахъ, въ праздничныхъ платьяхъ.

«Куда это они?» — подумала Лидія. На поворотѣ дороги все объяснилось: цѣлью была маленькая церковь, убранная по-праздничному; у дверей собралось еще много богомолковъ, всѣ чинныя и, въ то же время, веселыя.

«Можетъ быть, сегодня воскресенье?» — подумала Лидія, но сообразила, что не воскресенье. Толпа увлекла ее за собою въ церковь. Это было для нея ново.

Религія не занимала въ ея жизни никакого мѣста, ни въ смыслѣ вѣры, ни въ смыслѣ отрицанія. Она не была ни вѣрующей, ни атеисткой, потому что никогда объ этомъ не думала. Съ дѣтства она привыкла считать воскресную обѣдню за одинъ изъ общественныхъ обычаевъ, какъ принято, на примѣръ, кланяться знакомымъ.

Ея умъ, свободный отъ всякаго идеализма, никогда не ощущалъ потребности подняться къ существу высшему, ея сердце никогда не рвалось излиться въ молитвѣ. У нея не было религіознаго чувства, а семья не развивала его въ ней. Донъ Леопольдо чуть-чуть принадлежалъ къ вольтеріанцамъ начала нынѣшняго столѣтія. Донна Клара, одною своею неподвижностью могла бы научить дочь индифферентизму, если бы Лидія уже не была имъ пропитана со дня своего рожденія.

Въ бѣдной церкви не было ни картинъ, ни мрамора. Все ея богатство было собрано на единственномъ алтарѣ: четыре мѣдныхъ подсвѣчника и нѣсколько букетовъ полевыхъ цвѣтовъ. Священникъ, въ зеленой ризѣ и бѣломъ накрахмаленномъ стихарѣ, взошелъ къ алтарю и перекрестился. Перекрестились всѣ, даже и Лидія, удивленная, что она находится въ такомъ обществѣ.

Всѣ женщины опустили на колѣни, смиренные, погруженные въ созерцаніе, и медленно, торжественно началось пѣніе вслѣдъ за словами священнослужителя.

— Что это такое? — спросила Лидія вслухъ невольно.

— Литанія. Сегодня праздникъ святой Анны, нашей заступницы, — отвѣчала молодая женщина, прижимая къ груди ребенка, вся переполненная радостью и благоговѣніемъ.

Лидія стояла и одна не пѣла. Она не умѣла молиться. Ей хотѣлось знать слова молитвы и повторять ихъ, но она не знала ихъ...]

И опять, какъ прежде, передъ нею вставала страшная загадка жизни, тайна упоенія, тайна слезъ, тайна восторга. Она ее не знала.

Что чувствуютъ эти крестьянки, которыхъ за минуту она считала чѣмъ-то среднимъ между человекомъ и скотомъ? Чему радуется эта, цѣлующая своего ребенка? Отчего та вся преобрази-

лась, вдохновенная, не отводя глазъ отъ облаковъ дыма? Чувствуется трепеть сердца подъ грубою одеждой, руки порывисто сжимають четки. Пламенные, любящія души летятъ прочь, отъ міра, вмѣстѣ съ божественнымъ пѣніемъ возносятся въ высоту, къ идеалу, котораго нѣтъ у нея, Лидіи... Онѣ возвысились, онѣ счастливы!

Счастье!... Ей же никогда не знать счастья. Ее охватила томлящая тоска,—тоска безъ имени, тоска и ужась... Она одна, совсѣмъ одна.

Еще минуту—и она осталась бы въ этой церкви и плакала бы вмѣстѣ съ этими женщинами, завидуя ихъ слезамъ, отчаянно терзаясь своимъ неумѣньемъ любить.

Но она убѣжала. Подъ сводами раздавалась послѣдняя молитва: «Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра».

На виллѣ не замѣтили отсутствія Лидіи; всѣ думали, что она въ своей комнатѣ. Она вошла въ нижнюю гостиную, какъ была, съ зонтикомъ въ рукѣ. Теа живо разговаривала съ кѣмъ-то незнакомымъ. Лидія хотѣла уйти.

— Воротись, воротись!—закричала Теа.

Гость обернулся. Лидія остановилась, пораженная, будто увидѣла призрака.

— Кетскій!—выговорила она.

— Стало быть, старые знакомые?—сказала, смѣясь, баронесса.—Фотографія совершенствуется! Стало быть, и представлять васъ не нужно? Впрочемъ, для формы: графъ Кетскій, мой кузень, другъ мой, контессина Лидія Вальдора.

Во ожиданіи завтрака Кетскій прогуливался въ саду съ Лидіей и любезно спрашивалъ ее о здоровьи. Онъ находилъ, что она немного блѣдна.

У него была вкрадчивая манера говорить и голосъ, которымъ онъ владѣлъ необыкновенно искусно; слушалъ онъ еще лучше, нежели говорилъ, слѣдя за мыслью собесѣдника. Лидія была не высока ростомъ, и Кетскій почтительно наклонялся; его голубые глаза свѣтились ласковымъ свѣтомъ, всѣ движенія носили отпечатокъ какой-то особенной изысканности.

— Правда ли, что вы хотите насъ оставить?—вдругъ спросилъ онъ, заботливо отклоняя вѣтку акаціи отъ лица Лидіи.

— Но...—сказала Лидія, затрудняясь въ первый разъ въ

жизни и въ первый разъ чувствуя, какъ непріятно будетъ уѣхать,—я не хочу злоупотреблять гостепріимствомъ...

Какая глупая, вульгарная фраза! Она столько разъ вела, направляла блестящія бесѣды и не съумѣла отвѣтить Кетскому!

Онъ посмотрѣлъ, снисходительно улыбаясь, и сказалъ тихо:

— Если гостепріимство такое искренно-дружеское...

Она не отвѣчала; ей хотѣлось сказать многое, но она не знала съ чего начать. Ее влекло высказать этому незнакомому человѣку всѣ теоріи своей жизни, всѣ свои привязанности; ей казалось необходимымъ открыть Кетскому свое сердце, но ей хотѣлось сказать все, или, вѣрнѣе, хотѣлось, чтобъ онъ понялъ все безъ объясненій. Кетскій — вотъ былъ бы другъ! Добрь, понятливъ, образованъ, остроуменъ... Ее будто укусила зависть: онъ—кузенъ Теа, и сердце ея болѣзненно жалось.

Кетскій говорилъ объ Италіи; онъ видѣлъ ее въ первый разъ и восхищался. Но Лидія вдругъ спросила:

— Захотѣли бы вы остаться въ Италіи навсегда?

— Если бы...

Лидія оглянулась и встрѣтила его взглядъ, глубокій, потерянный, будто передъ нимъ стояло видѣніе. Ея сердце встрепнулось и словно на крыльяхъ стремилось за этимъ взглядомъ на встрѣчу видѣнію. Нѣсколько минутъ оба молчали и тихо шли по аллеѣ подъ свѣжимъ сводомъ акацій. Лидіи казалось, что она никогда не устанетъ идти,—такъ легко ея ножки касались земли; воздухъ, обнимая, будто уносилъ ее. Если бы не пора идти завтракать, она бы завела длинную бесѣду.

Раздался звонокъ къ завтраку.

— Я такъ и ждала,—сказала Лидія, но не заторопилась, а остановилась сорвать вѣтку гераніи.

Кетскій остановился тоже.

— Идите, не церемоньтесь,—сказала она.

Она была увѣрена, что онъ не двинется съ мѣста. И точно, онъ наклонился надъ цвѣткомъ, который она сорвала, и сказалъ:

— Я очень люблю гераніи.

— Красныя?—спросила Лидія, немного принужденно улыбаясь.

— Нѣтъ, вотъ эти, блѣдно-розовыя, съ фіолетовыми жилками. Это—идея соединенія страсти и чувства... истинная, единственная поэзія.

Колокольчикъ прозвонилъ еще разъ.

— Тамъ проголодались!—весело вскричала Лидія и побѣжала,—*побѣжала* единственно изъ приличія: ей хотѣлось скакать, пѣть, дурачиться.

Въ гостиной она остановилась передъ зеркаломъ... Какъ сияли ея глаза!

XV.

На виллѣ установился образъ жизни правильный, систематичный, будто на вѣки. Ни баронесса, ни Кетскій не поминали объ отъѣздѣ въ Вѣну. Лидія бросила было фразу о своемъ скоромъ возвращеніи въ городъ, но не повторила ее послѣ простаго самаго легкаго возраженія Теа.

Всѣ эти лица, совершая ежедневный кругъ общаго житья, казалось, имѣли, какъ планеты, свое собственное круговращеніе, свои собственные, загадочные интересы. Въ извѣстные часы Теа удалялась; Кетскій уходилъ упражняться въ стрѣльбѣ; графиня Коломбо ложилась отдыхать на диванъ; Лидія мечтала. Сходились вмѣстѣ къ обѣду, смотрѣли другъ другу въ глаза, будто ожидая найти перемѣну другъ въ другѣ. Лидія замѣтила, что Теа стала блѣдна; много разъ Теа подмѣчала, что Лидія становится все озабоченнѣе, все задумчивѣе.

Кетскій былъ всегда оживленъ, любезенъ, веселъ; его эластичный и покладистый характеръ примѣнялся ко всѣму, овладѣвалъ всякимъ положеніемъ. Кетскій былъ способенъ играть въ вистъ съ графиней, говорить ей комплименты и ему не было скучно.

Восхищеніе Лидіи этимъ молодымъ человѣкомъ росло день ото дня; это былъ энтузіазмъ, это было восторженное удивленіе, сдерживать которое она не имѣла силы. Но какъ бы и могла она удерживаться? Она привыкла отдаваться всегда и всему, что ее привлекало. Если во всемъ мірѣ можетъ занимать ее только Кетскій, почему же не заниматься Кетскимъ?

У нихъ обоихъ есть все, чтобы понимать другъ друга: тонкій, быстрый умъ, утонченность вкуса, любовь къ изящному, стремленіе къ наслажденію.

Лидія похвалилась однажды своимъ искусствомъ стрѣлять изъ пистолета. Онъ засмѣялся, подкинулъ вверхъ скудо и прострѣлилъ его на-лету.

Но лучшія удовольствія устраивались потихоньку, съ волне-

ніями, будто заговоръ, съ примѣсю таинственности. По вечерамъ, когда графиня удавалось поймать приходскаго священника и приходилось довольствоваться партіей въ *тарокъ* или *тресетъ*, когда баронессу вызывали для какихъ-нибудь распоряженій въ домъ, — Кетскій подходилъ къ Лидіи медленно, траги-комическими шагами, что въ одинъ мигъ приводило ее въ отличное расположеніе духа, и глухо, торжественно произносилъ:

— Завтра!

Лидія смѣялась.

— Часъ?

— Когда запоетъ жаворонокъ, — отвѣчала она тихонько.

И на другой день, когда еще всѣ спали на виллѣ, Кетскій и Лидія были готовы и лошади для нихъ осѣдланы. Доктора запретили Теа верховую ѣзду и Лидія только посредствомъ маленькой скрытности могла доставлять себѣ удовольствіе, не дѣлая непріятности подружѣ.

Они пускались въ галопъ, какъ бѣглецы-влюбленные, скакали, какъ могли долго, возвращались, когда еще никто не вставалъ, и цѣлый день переглядывались другъ съ другомъ.

Скоро они сблизились. Лидія рассказала ему все, всю свою жизнь съ дѣтства: описала своихъ гувернантокъ, смѣшила юмористическими выходками, забавными подробностями; говорила о донѣ Леопольдо, о матери, Евѣ, Костанцѣ; имена и обстоятельства толпились у нея на умѣ и срывались съ языка безъ всякаго порядка.

Еслибъ она была въ состояніи разбирать чувство, которое влекло ее къ Кетскому, она рѣшила бы, что онъ — ея опора, блаженство, забвеніе. Въ немъ было все — вѣра, любовь, прекрасное, — все вмѣстѣ, все соединенное, — все то, что разсыпается въ мелкихъ ежедневныхъ ощущеніяхъ, что тратится крохами, теряетъ половину своей цѣнности... Кетскій явился въ концѣ ея молодости, какъ великое завершеніе прерваннаго дѣла, какъ воскрешеніе растроченныхъ силъ, какъ гениальное слово непонятаго поэта...

Наконецъ, она любила.

Всякую минуту удивляло ее новое открытіе. Она чувствовала себя добрѣе, кротчѣ, жалостливѣе. Встрѣчая въ полѣ крестьянскихъ дѣтей, она останавливалась и ласкала ихъ, растроганная, съ нѣжностью, которая волновала ее, какъ женщину. Бѣдность пробуждала въ ней состраданіе. Слѣпой старикъ, сидя у

отѣнки, молился за своихъ покойныхъ дѣтей. Лидія увидѣла его и искренно расплакалась. Небо, деревья, вся природа казались ей въ новомъ свѣтѣ, въ новомъ видѣ, болѣе близкими, болѣе живыми...

Она не сказала себѣ, что любить, не спросила, любить ли ее. Въ эту пору для блаженства было довольно лишь сознанія присутствія невѣдомаго Бога. Дни летѣли такъ быстро, что едва доставало времени для наслажденія, а это еще неназванное наслажденіе, этотъ не распустившійся цвѣтокъ, какъ всякая замкнутая, сдержанная сила, держало ее въ напряженномъ восторгѣ.

— Кетскій, невозможно, чтобъ я не знала васъ прежде, въ другомъ мірѣ: мы были тамъ родные, свои... Иначе какъ же объяснить странность, что я васъ будто *чувствую* въ себѣ?

Кетскій приписывалъ этого силѣ магнетизма и приводилъ въ подтвержденіе, что самъ никогда не могъ думать объ Италіи безъ сильнаго душевнаго волненія. И это, конечно, больше нежели предчувствіе: это отдаленный токъ силы, могучей, дѣйствующей безсознательно.

Они всегда говорили по-французски. Лидіи въ особенности нравилась скупость Кетскаго на комплименты и ихъ естественность: точно онъ просто выражаетъ свое мнѣніе.

Кетскій былъ любезенъ съ женщинами безъ ухаживанья, — того приторнаго и неосторожнаго ухаживанья, которое только одно и умѣютъ мужчины поставить въ противоположность грубо-неучтивому равнодушію. Этимъ Кетскій былъ похожъ на Кальми, но во сколько разъ, во сколько разъ симпатичнѣе! Все въ немъ доказывало превосходство расы и высшаго образованія...

Лидія интересовалась его исторіей и онъ рассказывалъ о годахъ своего дѣтства, проведеннаго въ Подоліи въ совершенномъ уединеніи со старою нянькой, объ училищѣ, о педантизмѣ учителей, о томъ счастливомъ днѣ, когда онъ въ первый день надѣлъ блестящій гусарскій мундиръ... Лидія спросила, неужели, кромѣ няньки, ни одна женщина не улыбнулась ему въ дѣтствѣ? Онъ отвѣчалъ, что нѣтъ, что до шестнадцати лѣтъ не видалъ молодаго женскаго лица.

— Но, — прибавилъ онъ, — еще совсѣмъ ребенкомъ, въ замкѣ, въ уединеніи, мнѣ явилось понятіе, откровеніе женщины.

— По книгамъ?

— Да. Вѣришь, женщины, о которыхъ говорили тѣ страницы, открыли мнѣ путь для созданія существа фантастическаго, сверхъ-

естественнаго призрака, который я облакалъ всевозможною красотою и обожалъ десять лѣтъ. Въ моей любимой книгѣ *Тысяча и одна ночь* меня поражали не заколдованные кувшины, изъ которыхъ выскакиваютъ духи, не чудныя лампы, не очарованные острова,—нѣтъ, я мечталъ о блѣдныхъ султаншахъ съ длинными косами, переплетенными жемчугомъ. Я видѣлъ, какъ пламенно любимая Шемсельнихаръ бродила въ садахъ, доступныхъ только для калифа; тамъ изгородь изъ драгоценныхъ камней, шелковыя палатки, фонтаны душистой воды; тамъ нѣмые рабы стерегутъ любовь повелителя... А Бадора, царица съ глазами газели? А страстная Торmenta?... Я всѣхъ любилъ, всѣхъ царицъ, невольницъ, волшебницъ. Я бродилъ одинъ по лѣсу и все ждалъ—вотъ-вотъ явится милый образъ изъ моихъ сновидѣній... Я говорю: *образъ* потому, что для меня женщина была только сияющія очи, ласковыя уста и пышныя кудри.

Лидія погоняла лошадь и мчалась впередъ полною рысью. Кетскій оставлялъ ее на нѣсколько минутъ, отстаивалъ и, догнавъ, ѣхалъ съ ней рядомъ, не торопясь, глядя на дорогу... Въ полнотѣ восторга, Лидія переживала въ эту минуту всѣ тридцать лѣтъ своей жизни.

Но почему не остаться съ нимъ навсегда? Въ сравненіи съ этимъ счастьемъ все такъ блѣдно и безцвѣтно...

Разъ она вздумала испытать себя: уѣхала гулять одна, не предупредивъ Кетскаго. Она поѣхала тою же дорогой, гдѣ они скакали вмѣстѣ, подъ тѣми же деревьями, ускоряла, замедляла ходъ лошади... Какая разница! Какъ все холодно, однообразно! Въ тоскѣ, она помчалась къ группѣ ивъ, гдѣ вчера Кетскій наткнулся неосторожно лицомъ на вѣтку; Лидія схватила эту вѣтку, прижалась къ ней щеками и губами и ускакала, какъ безумная, крича на все поле:

— Рикардо! Рикардо!

Донъ Леопольдо занемогъ ревматизмомъ и пожелалъ видѣть племянницу.

— Ты возвратишься,—говорила Теа, видя, какъ неохотно Лидія оставляла виллу.

— Нѣтъ, нѣтъ, я предчувствую несчастье!

— Можетъ быть, ты больше не найдешь здѣсь моего кузена.

Лидія была готова зарыдать, но удержалась: баронесса смотрѣла, какъ сфинксъ. Лидія скрывала свою печаль, притворяясь,

что беспокоится о дядѣ, но вечеромъ, съ Кетскимъ, больше не выдержала.

— Кетскій, я васъ больше не увижу.

— Почему?

— Не увижу. Такъ мнѣ голосъ говорить.

— Только не голосъ сердца. Мнѣ, напротивъ, именно въ эту минуту онъ говорить совсѣмъ другое.

Онъ смотрѣлъ нѣжно, согрѣвая ее лучами своихъ очей. Кажалось бы, немного, но Лидія была утѣшена и этимъ. Во весь вечеръ онъ не отходилъ отъ нея, занимался только ею. Только разъ Теа сказала ему что-то по-нѣмецки. Лидія не знала по-нѣмецки. Кетскій всталъ и тихо заговорилъ съ баронессой.

— Объясню послѣ, — закончилъ онъ по-французски, улыбаясь, воротился и сѣлъ подлѣ Лидіи.

— Стало быть, до свиданія?—спросила она.

— Безъ всякаго сомнѣнія.

— Теа увѣряла, что вы скоро уѣдете...

— Она ошибается. Меня никто не зоветъ.

Они разстались почти весело, крѣпко пожимая другъ другу руки.

XVI.

Донъ Леопольдо былъ болѣе не серьезно, но бѣдный старикъ любилъ ласки, какъ ребенокъ, а Лидія умѣла ласкать, когда хотѣла. Теперь она именно была въ періодъ нѣжности; новорожденная любовь дѣлала ее добрѣе. Сознывая себя богатою, она охотно подавала милостыню.

Цѣлые два дня провела она у кресла дяди, читала ему *Revue des Deux Mondes*, баюкала его, цѣловала. Ея мысль часто бывала далеко, но слово—всегда ласково. Милости, расточаемыя дону Леопольдо, имѣли часто совсѣмъ другое назначеніе, даже тѣ порывы, которые заставляли ее восклицать:

— Старичокъ мой миленькій!

Она начала рассказывать о Кетскомъ; онъ сдѣлался единственнымъ предметомъ разговора. Случалось, что донъ Леопольдо засыпалъ подъ двадцатое описаніе лазурныхъ очей Кетскаго, но это не мѣшало Лидіи продолжать.

Въ эти дни ей приходили въ голову разныя предположенія.

Не перестроить ли свое существованіе? Ей казалось, что она

все проглядѣла, все дѣлала на-выворотъ... Одно размышленіе ее печалило. Она вспомнила: разъ, вечеромъ, Бальми не могъ справиться съ сигарой, которая не курилась. Лидія сказала ему: «Попробуйте съ другаго конца», а онъ отвѣтилъ: «У сигаръ, какъ у людей, одна судьба, одна дорога; не заладится—остается только... вотъ!...» и выкинулъ сигару за окно.

Но вспышка пессимизма тревожила ее не долго. Счастье близко, почти въ рукахъ; изъ-за теорій его не бросаютъ.

Лидія ждала извѣстій съ виллы, надѣясь, что Теа станетъ упрашивать ее возвратиться, но прошла цѣлая недѣля, а желаннаго письма все не было. Нервы Лидіи разстроились. Былъ августъ, въ городѣ пусто, жара страшная. Во всемъ этомъ она обвиняла Кетскаго, думала о немъ, не переставая, днемъ и ночью; зажимуривалась и видѣла его...

Лидія вставала рано и, какъ бывало прежде, одна уходила къ городскимъ воротамъ по дорогѣ въ виллу. Ей казалось, что такъ она ближе къ *нему*, дышетъ немножко *его* воздухомъ.

Она не удивилась, встрѣтивъ разъ по утру Кетскаго недалеко отъ своего дома.

— Я вамъ говорилъ, что мы свидимся.

— Да, да... пріятная неожиданность... Благодарю.

Она была взволнована, голосъ ея дрожалъ, ручки захватили его руки, будто замерли, будто она думала, что онъ убѣжитъ.

— Что же?—спросилъ, смѣясь, Кетскій. — Могу я идти съ вами?

— О, конечно. Я представлю васъ дядѣ.

— Надѣюсь.

— Но прежде пройдемся немного.

Черезъ нѣсколько шаговъ она остановилась, сняла съ шеи голубой платокъ и начала обмахиваться.

— Что Теа?

Это имя такъ неожиданно упало между ними, что молодой человѣкъ на секунду смутился.

— Кузина поручила вамъ кланяться.

И ничего больше. Непріятное воспоминаніе пробѣжало у Лидіи, но она скоро отогнала его. Дѣйствительность — вотъ она — прекрасная, очаровательная...

Они вспомнили свои прогулки верхомъ. Лидія спросила, ѣздилъ ли онъ за послѣднее время.

— Нѣтъ, мнѣ было бы слишкомъ грустно.

Ей хотѣлось броситься ему на шею. Чтобы не выдать своего чувства, она принялась смѣяться, звенѣла браслетами, держала свои длинные перчатки.

Разговоръ еще разъ перемѣнился. Кетскій сказалъ, что ждетъ писемъ изъ Вѣны, что намѣренъ пробыть въ Италіи какъ можно дольше, что Италія дала ему возможность понять самого себя.

— Если вы общаете не смѣяться надо мной, я вамъ признаюсь, что здѣсь я опять нахожу милые призраки моего дѣтства — блѣдныхъ султаншъ съ длинными косами и глазами газели... Вы стремились когда-нибудь въ безплотный міръ, въ мечтаніяхъ?

— Нѣтъ... Но все равно... Мнѣ понятно, все понятно.

— Желаніе,—продолжалъ онъ,—страстное желаніе, которое терзаетъ, отравляетъ всякую мимолетную радость, которое лихорадочно влечетъ все впередъ, все дальше...

Вдругъ повѣяло свѣжестью, въ воздухѣ туманомъ поднялся здоровый запахъ влажной земли.

— Дождь,—сказала Лидія, распуская зонтикъ, убранный кружевомъ.

— Это не велика защита.

— Все же лучше, нежели ничего.

— А вы довольствуетесь немногимъ? — сказалъ Кетскій и взялъ держать надъ нею зонтикъ.

Лидія не отвѣчала и граціозно продѣла руку подъ его руку.

— Вы правы,—сказалъ онъ, прижимая ее къ себѣ и улыбаясь.—Это лучше, чѣмъ ничего.

Они шли скоро, но дождь усиливался, зонтикъ весь измокъ, легкое платье Лидіи прилипало къ ея рукамъ, свертывалось жгутомъ.

— Я не могу больше бѣжать,—вдругъ сказала она.

— Отчего?

— Ботинки полны воды...

Она стараясь смѣяться, крѣпко цѣпляясь за руку своего кавалера и прислоняясь плечомъ къ его груди.

— Еслибъ я могъ взять васъ на руки...

Она вздрогнула и замжурилась. Они дошли до городскихъ воротъ.

— Тутъ мы встрѣтимъ карету.

Но въ длинной пустой улицѣ встрѣчались только мальчишки, которые возились въ лужахъ.

— Что скажетъ дядя!

Кетскій успокоивалъ, почти несъ ее, выбирая мѣстечки посуше; онъ самъ промокъ до нитки, но заботился только о ней. На поворотѣ открылась еще длинная, пустая улица, настоящая рѣка. Лидія совсѣмъ потеряла бодрость.

— Нѣтъ, больше силы нѣтъ...

— Остановимся,—сказалъ Кетскій.

Они стали подъ воротами недостроеннаго дома. Лидія озябла, дрожала, прислонилась къ стѣнѣ, блѣдная, но сіяя отъ счастья, что такъ близко... съ *ними*.

— Вы такого слабаго здоровья; я боюсь, вы занеможете.

Она, улыбаясь, только пожала плечами.

— Позвольте обтереть вамъ ботинки.

Она довѣрчиво, благодарно, глядя какъ ребенокъ на мать, протянула ногу.

— Бѣдная ножка!

На ней были чулки, тонкіе, какъ паутина, и вырѣзные полусапожки съ чернымъ стеклярусомъ. Кетскій ловко вытеръ ихъ платкомъ.

— Давайте другую.

Переставляя ногу, Лидія пошатнулась и ухватила за плечо Кетскаго. Оба засмѣялись. Лидія еще продолжала смѣяться, пока Кетскій, обтирая, держалъ ее ногу. Она смѣялась, но была готова плакать,—у нея сжимало въ горлѣ отъ волненія.

Онъ нѣжно взглянулъ на нее.

— Лучше ли вамъ хоть немного?

Она кивнула головой.

— Прислонитесь ко мнѣ; вамъ будетъ покойнѣе, чѣмъ у стѣны.

Лидія согласилась, но прежде стащила совершенно мокрыя перчатки, и вдругъ ей, какъ ни странно, стало стыдно своихъ рукъ, открытыхъ почти до локтя. Она старалась спрятать ихъ обѣ подъ руку Кетскаго.

— О чемъ вы задумались?—спросилъ, помолчавъ, Кетскій.

— Не могу сказать.

Понималъ ли онъ, что происходило въ ея душѣ? Онъ наклонился къ ней и шепталъ:

— Милая, милая...

Она вдрогнула, хотѣла отнять руки, но онъ держалъ ихъ.

Какой-то человѣкъ выходилъ изъ дома, приостановился про-

тивъ ихъ, равнодушно посмотрѣлъ, распустилъ огромный зонтикъ и пошелъ дальше.

— Не бойтесь, — шепталъ Кетскій.

Она дрожала; онъ страстно и нѣжно сжалъ ея руку. Ей дѣлалось дурно.

— Рикардо... — проговорила она, поднимая глаза, полныя желанія любви.

Дождь пересталъ, только капало съ крыши и подоконниковъ. Они пошли, не говоря ни слова. На дорогѣ встрѣтилась карета.

— Позвать? — спросилъ Кетскій.

— Да.

Ихъ голоса измѣнились; они гудѣли, какъ струны арфы послѣ восхитительной тревоги звуковъ.

Кетскій взялъ ее на руки, посадилъ въ карету и укрывъ мягкимъ ковромъ.

— Благодарю, — сказала она, протягивая руку.

Кетскій поцѣловалъ ее почтительно и затворилъ дверцу. Лидія распахнула ее.

— До свиданія! И скорѣе!

Карета тронулась. Кетскій проводилъ ее улыбкой.

Возвращеніе домой совершилось будто во снѣ. Лидія очнулась умытая, согрѣтая, переодѣтая, въ креслахъ подлѣ дяди, и никакъ не могла уяснить себѣ, какъ все это случилось.

На кофѣняхъ у донъ Леопольдо лежала книжка *Revue des Deux Mondes*. Бѣдный разумъ старика колебался между двумя помыслами: племянница попала подъ ливень, а вотъ въ журналѣ начатъ новый романъ. Поэтому, когда Лидія вошла, онъ сказалъ съ перваго слова:

— Тутъ начатъ новый романъ.

Затѣмъ онъ сталъ нѣжно упрекать ее за неосторожность. Лидія не прерывала его; она положила головку на фланелевый пледъ и бормотанье старика было для нея все равно, что баюканье. Только чтобъ успокоить дядю, она сказала, что была не одна подъ дождемъ, что ее охранялъ и провожалъ прелестнѣйшій, благороднѣйшій, элегантнѣйшій изъ всѣхъ кавалеровъ въ мірѣ, но, отдаваясь влеченію поминать имя Кетскаго, она увлеклась описаніемъ подробностей, наслажденія стоять мокрою подъ воротами...

— Наслажденіе прачки, — прервалъ донъ Леопольдо, и проблискъ старинной насмѣшливости презрительно сжалъ его сухія губы.

«Прачки!... Сколько принцессъ охотно пошли бы въ прачки, чтобъ испытать это!» — думала Лидія.

— Новый романъ Октава Фёлье — *Покойница*, — досказывалъ свою вторую мысль донъ Леопольдо и указалъ пальцемъ на заглавіе романа.

— Что вы, дядя?

— Хочешь почитать?

— Не сейчасъ; если позволите, дядя, послѣ. Я немножко устала.

— Фланелью, Лидія, закутайся, фланелью...!

Онъ тащилъ съ себя пледъ, чтобъ укрыть дѣвушку.

— Нѣтъ, дядя, мнѣ хорошо...

— Такъ вотъ что...

Онъ остановился, разинулъ ротъ и раскрылъ глаза, не помня, что хотѣлъ сказать. Понемногу глаза сомкнулись въ старческой дремотѣ, голова опустилась на грудь, руки раскинулись и выпустили книжку.

XVII.

Кальми узналъ, что Лидія въ городѣ, и пришелъ къ ней. Она встрѣтила его съ сіяющими глазами.

— Я иду замужъ.

— По разсудку?

— По страсти. Я люблю графа Кетскаго, а онъ — первый красавецъ во всей вселенной — сдѣлалъ мнѣ честь, предпочелъ меня всѣмъ.

— Кетскій? — сказалъ, раздумывая, Кальми. — Мнѣ это имя не ново.

— Вы не можете его знать. Онъ австріецъ и только мѣсяцъ, какъ въ Италиі.

— И въ одинъ мѣсяцъ...

— Да, вамъ странно, но это такъ. Въ мѣсяцъ мы увидѣли и полюбили другъ друга. Я бы сама не повѣрила, еслибъ не испытала этого.

— Кетскій... Кетскій...

— Нечего припоминать. Вы его не знаете.

— Но это имя я слышалъ. Можетъ быть, въ клубѣ, отъ кого-нибудь изъ знакомыхъ.

Черезъ нѣсколько дней Кальми спросилъ Лидію:

— Вашего Кетскаго зовутъ Ричардъ?

— Да, Рикардо... Ричардъ.

Кальми нахмурился.

— Почему вы спрашиваете?

— Потому, что того Кетскаго, о которомъ я слышалъ, зовутъ тоже Ричардъ.

— И что же?

— То, что поздравить васъ я не могу.

— Кальми, это шутки дурнаго тона.

— Считите за недоразумѣніе.

— Графъ Ричардъ Кетскій, гусарь, поручикъ гвардіи... смѣшивать его ни съ кѣмъ нельзя.

— Гвардейскій гусарь? Да это тотъ и есть!

Оба поблѣднѣли, взглянувъ другъ на друга. Лидія вся дрожала. Кальми сознавалъ всю отвѣтственность своихъ словъ, но оставался, по обыкновенію, хладнокровенъ.

— Я не беру назадъ того, что сказалъ о поручикѣ Ричардѣ Кетскомъ, котораго заставили выйти въ отставку изъ гвардейскихъ гусаровъ за мошенничество и картежные долги. Остается только удостовѣриться въ тождественности этого господина и вашего жениха, и, если позволите, я, по праву старой дружбы, это сдѣлаю.

Лидія нервно сжимала губы, обламывая вѣеръ.

— Кальми, еслибъ не вы это говорили... я васъ пятнадцать лѣтъ знаю... При васъ умерла моя мать... О, клянусь, другому бы я не дала кончить!

— И я клянусь, что все мое участіе къ вамъ не вывело бы меня изъ моего равнодушія, но въ глубинѣ моего скептицизма, все-таки, есть совѣсть честнаго человѣка.

Они дурно разстались, раздраженные, недовѣрчивые. Лидія проплакала весь вечеръ и хотѣла бы излить душу дону Леопольдо, но донъ Леопольдо ничего не понималъ. Она рѣшила, что отправится завтра къ Теа, расскажетъ все и попроситъ совѣта.

Она пріѣхала на виллу въ самомъ жалкомъ состояніи. Каждая тропинка, каждый кустъ напоминали ей прелесть прошлыхъ дней, недавнія очарованія властительной любви. Вездѣ—Кетскій, его благородная осанка, лучезарныя очи, голосъ, улыбка... О, невозможно, невозможно, чтобы Кетскій... А, между тѣмъ, горе давило ей грудь.

Ее приняла графиня Коломбо, повторяя, что дочь ея нездорова,

никого не принимаетъ, но для Лидіи, конечно, сдѣлаетъ исключеніе. Теа явилась черезъ полчаса. Едва войдя въ гостиную, она бросилась спускаться занавѣски, крича, что ослѣпнетъ отъ свѣта; затѣмъ обняла Лидію съ увлеченіемъ, съ преувеличеннымъ энтузіазмомъ, и принялась говорить, говорить стремительно, нервнымъ, крикливымъ голосомъ. Лидія, разбитая, спросила, знаетъ ли она... Баронесса прервала, возражая, что есть секреты, которыхъ не скроешь... что она давно замѣтила впечатлѣніе, которое Лидія произвела на ея кузена, что она сама, Теа, торопила его объясниться, что для нея не можетъ быть больше утѣшенія, какъ этотъ бракъ... И опять объятія и звонкіе поцѣлуи.

Лидія оживала; сердце ея успокоивалось... Ахъ, какъ могла она въ *немъ* сомнѣваться? Изъ-за клубной болтовни, изъ-за вульгарныхъ сплетень... Она краснѣла. Ни за что въ мірѣ не повторила бы она этой клеветы! Она едва осмѣлилась спросить:

— Ты хорошо его знаешь?

— Ричарда?... Какъ брата! Олицетворенная честь и честность! Онъ не богатъ...

— О!...—поспѣшно прервала Лидія.

Они начали толковать о свадьбѣ. Баронесса уже написала въ Вѣну, что скоро воротится, но согласилась на просьбы Лидіи остаться и быть ея посаженою матерью.

— Для дружбы жертвую материнскою любовью,—заключила она торжественно.—Два мѣсяца ждетъ меня сынъ... и еще пождетъ! Я поведу тебя къ алтарю!

Лидія оставила виллу въ экстазѣ блаженства; она будто вынесла операцію, отъ которой зависѣла ея жизнь.

На другой день пришелъ Кетскій, нѣжный, влюбленный и слегка грустный. Лидія чувствовала себя виноватою и потому приняла Кетскаго еще привѣтливѣе.

— Вы какъ будто печальны?

— Немножко.

— Стало быть, любовь и печаль могутъ идти вмѣстѣ?

— Чаще всего. Я получилъ дурную вѣсть.

Она задрожала, но скоро успокоилась:

— Я понесъ важную матеріальную потерю.

— Только-то?

— Будь я бѣденъ, вы бы любили меня, Лидія?

Его голосъ дрожалъ, какъ голосъ ребенка на первой исповѣди.

— Боюсь, я недостойнъ васъ.

— О, Рикардо!...

— Моя молодость была бурная. Я бывалъ неостороженъ, безпечень, нажилъ себѣ враговъ...

Лидія пришла въ негодованіе на злобу свѣта. Такъ вотъ и всѣ преступленія Кетскаго: неостороженъ, безпечень, и онъ признается въ нихъ сразу... О, еслибъ она могла быть царицей и могла возвысить его до себя! Любовь ея еще болѣе возросла отъ этихъ признаній; къ ней прибавлялись состраданіе, желаніе возстановить честь человѣка... Лидія умѣла презирать общество.

Онъ долго рассказывалъ о своихъ финансовыхъ затрудненіяхъ, о томъ, что оставилъ полкъ изъ-за вопроса чести, о своихъ планахъ въ будущемъ, о желаніи прожить первое время брака въ Подоліи, въ древнемъ домѣ предковъ. Лидія соглашалась на все молча, даже едва отвѣчая пожатіемъ руки; ея сердце, переполненное нѣжностью, уже не находило выраженія.

Исторія Кетскаго—это ея собственная исторія. Не понять, одинокъ среди людей, слишкомъ благороденъ, чтобы склоняться на общепринятая низости, независимъ, смѣлъ, гордъ, полонъ презрѣнія... По ея щекамъ катились крупныя слезы... О, низкіе, низкіе!... Она сравнивала жизнь Кетскаго со своею жизнью, возобновляла свои горести и разочарованія, чтобы лучше проникнуться, пережить его горести и разочарованія... и изъ этой глубокой муки выходила неизмѣримая радость: судьба соединила ихъ! Все забудется, все изгладится; будетъ счастье—не ненависть къ свѣту, а полное, безконечное забвеніе...

Она не вспоминала о Кальми и его обвиненіяхъ, когда получила отъ него короткую записку:

«Существуетъ только одинъ Ричардъ Кетскій. Онъ не графъ, не гусарскій поручикъ, потому что изъ полка его выгнали, и не честный человѣкъ, а шулеръ».

Лидія отвѣчала:

«Я не признаю ни за кѣмъ, даже за старымъ другомъ, права клеветать на человѣка, котораго уважаю болѣе всѣхъ людей въ мірѣ».

Кальми не отвѣчалъ ни письменно, ни словесно; онъ, естественно, не имѣлъ желанія путаться въ щекотливое семейное дѣло.

Лидія, между тѣмъ, размышляла: «Какъ люди все преувеличиваютъ! Какая-нибудь вѣтренность, несоблюденіе дисциплины,

минута увлеченія, неудача въ игрѣ — и человѣка топчуть въ грязь!» Ей безъ труда припоминались многія обстоятельства, когда также бросали грязью и въ нее на потѣху общественнаго мнѣнія. Она хохотала злымъ, презрительнымъ смѣхомъ.

«Не графъ!... Что-жь такое? Благородство у него на лицѣ написано; онъ болѣе всякаго другаго достоинъ носить титулъ. Если разобрать грамоты всѣхъ, кто выставляетъ короны на своихъ визитныхъ карточкахъ, то и половины дворянства не останется!» — и она пожимала плечами.

«Онъ забылъ какой-нибудь карточный долгъ? О, какое великое преступленіе предъ законами свѣта! Или, можетъ быть...»

Она искала чего-нибудь еще покрупнѣе, но не находила, качала головой и заключала:

«Что-жь? Онъ виноватъ, но я, все-таки, его люблю. Лучшая сторона любви — прощеніе. Кто смѣетъ бросить камень?»

«Выгнанъ изъ полка...» Эти слова звучали окончательнымъ ужасомъ; холодный потъ выступалъ на вискахъ Лидіи. Кетскій униженъ, обреченъ на посмѣяніе, осужденъ клонить свою прелестную голову, осужденъ бѣжать, бѣжать въ изгнаніе, одинокій, оставленный всѣми... Ея нервы напряглись и трепетали; изъ сердца къ горлу поднималась горячая волна и душила ее. Ея губы шевелились, будто шепча молитву, будто цѣлуя... Нѣтъ, она не могла осудить его!

Виноватый, онъ сталъ еще милѣе. Безупречный Кетскій принадлежалъ обществу. Теперь онъ исключительно принадлежит ей. Она злобно бросала вызовъ этому лицемерному обществу; ненависть кипѣла въ ней и придавала ей сверхъестественную силу.

Пресыщеніе дѣлало для нея еще божественнѣе любовь, которой до сихъ поръ она не знала, — любовь властительную, какъ поздняя страсть. Время не ждетъ, скоро у ней появятся сѣдые волосы... Торопись, наслаждайся! И Кетскій тутъ, у ногъ, пламенный, страстный, прелестный, какъ сновидѣніе...

Онъ совсѣмъ уѣхалъ изъ виллы и жилъ въ городѣ, приходя къ невѣстѣ два раза въ день. Менѣе чѣмъ въ недѣлю онъ такъ покорилъ дону Леопольдо, что бѣдный старикъ дожидался его такъ же нетерпѣливо, какъ Лидія.

— Вы колдунъ, un charmeur, — говорила Лидія Кетскому. — Въ одной моей дѣтской книжкѣ была картинка: заговариватель змѣй. Вы на него похожи.

Онъ ловко угождалъ маленькимъ слабостямъ дона Леопольдо,

умѣлъ занять его, заставить разговариваться и внимательно слушалъ. Кетскій, изящный молодой человекъ послѣдняго времени, казался современникомъ стараго дворянина,—такъ онъ умѣлъ усвоить себѣ духъ того далекаго прошлаго, слиться съ нимъ воспоминаніями и симпатіями. Тонкая, гениальная впечатлительность, чувствительность мимозы, быстрая понятливость, способная схватывать всѣ оттѣнки мысли,—это были таланты Кетскаго, соединенные съ удивительною красотой наружности.

Донъ Леопольдо и его племянница, въ отсутствіе Кетскаго, безпрестанно говорили о немъ, находя все новыя очарованія. Изъ виллы черезъ день приходили записочки; Теа все предсказывала счастье и осторожно, покорно жаловалась, что Кетскій глазъ къ ней не кажетъ.

Уже были заказаны свадебные билеты; свадьба назначалась въ началѣ октября; все шло мирно, спокойно, безъ помѣхъ; Лидія, съ опытностью кокетки, заботилась о своемъ приданомъ. Ей хотѣлось бы собрать весь арсеналъ своего побѣдоноснаго оружія, но исчислить это оружіе было бы мудро и, къ тому же, нѣкоторыя странности, на двадцатомъ году увѣнчанныя успѣхомъ, въ тридцать три года были бы уже рискованны. Сожалѣніе о напрасно пропавшей молодости затемняло радость настоящаго... Какъ она была жива, свѣжа! Какъ были густы ея волосы! А бѣленькіе зубки, а кругленькая шейка?... О, если бы, вмѣстѣ съ сердцемъ, отдать Кетскому свою чистоту и свѣжесть!... Она не была неопытна; она знала, какое широкое мѣсто занимаетъ страсть въ любви мужчины; она выросла въ поклоненіи наружной формѣ и обожала *красивое* до того, что считала его необходимостью. Она цѣловала свои руки, почти благодаря ихъ за то, что онѣ сохранили чистоту своихъ линій; она не отходила отъ зеркала, примѣряя наряды.

Умывшись надушеною водой, обсыпавъ лицо пудрой, слегка подкрасивъ губы и подтѣнивъ глаза, надѣвъ ловко сшитое платье, она отходила отъ зеркала удовлетворенная, и отъ удовольствія ея глаза сіяли, а улыбка складывалась, какъ бывало прежде. Но все же ей дѣлалось грустно, когда, въ спальнѣ, безжалостный свѣтъ свѣчей грубо вызывалъ тѣни, показывалъ угловатости. Испугъ и горе при каждой сброшенной части одежды; настойчивое, подробное созерцаніе, мелочное и вмѣстѣ ужасающее, сильное... Такъ скупецъ смотритъ на обокраденный сундукъ.

Что унесло ея красоту? Не поцѣлуи, не пламенные ласки,

которыя жгутъ тѣло въ часы безумія и оставляють слѣды; не желанія, которыя усиливають восторгъ объятій и въ нѣсколько мгновеній заставляютъ переживать годы... Она, чистая дѣвушка, не отдавалась любви. Ее взяло время.

О, если бы вернуться, если бы воротить!...

XVIII.

Прежде официальнаго оглашенія, донъ Леопольдо пожелалъ сдѣлать вечеръ для болѣе близкихъ знакомыхъ и объявить о помолвкѣ племянницы. Собрались Кальми, Ланте, семейство Кастель-Габбиано, одинъ изъ братьевъ Струцци, графиня Коломбо и прочіе. Теа важничала, какъ посаженная мать. Лидія написала дружескую записку, приглашая Еву Авелла, но Ева отказалась быть: у ней только что родился ребенокъ. Она заочно желала всевозможнаго счастья невѣстѣ.

Представленіе Кетскаго обществу было истиннымъ торжествомъ Лидіи. Всѣ ее поздравляли, всѣ съ удивленіемъ и завистью смотрѣли на жениха... Это самое тонкое наслажденіе, вознагражденіе за запоздалый бракъ.

Она подошла къ Кальми, улыбаясь съ высоты блаженства и обмахиваясь прозрачнымъ вѣеромъ съ изображеніями амуровъ.

— Вамъ прощено, всѣ мы великодушны! Я даже не хочу васъ конфузить, не спрашиваю вашего личнаго мнѣнія о моемъ женихѣ.

Кальми не отвѣчалъ, но посмотрѣлъ на нее съ такимъ серьезнымъ состраданіемъ, что ея твердость дрогнула.

— Злой скептикъ! Что же, вы хотите отравить и этотъ часъ веселья?

Она сѣла подлѣ него, кроткая, ласковая, надѣясь его убѣдить. Онъ—старый другъ; его холодность, его презрѣніе не могли ее не мучить.

— Кальми, будьте умны, разсудите: могу ли я считать во что-нибудь титула, долги, грѣхи юности, когда преступникъ опомнился и отдаетъ мнѣ всю свою жизнь, всю свою любовь?

— Слушайте,—возразилъ Кальми, стараясь владѣть собою,—теперь не время объ этомъ толковать, не правда ли? Да вы и слушать не станете, если я вамъ скажу, что онъ...

Лидія смертельно поблѣднѣла. Кальми остановился.

— Дорогая, вижу, вы еще не въ силахъ выдержать правду...

Онъ никогда не называлъ ее «дорогою»; онъ [былъ] растроганъ.

— Я буду въ силахъ, но... [не сейчасъ. Правда ваша, не сейчасъ.

Она вскочила съ мѣста и побѣжала, — побѣжала какъ на заведенныхъ колесахъ, — и почти упала на руки Теа.

— Красавица моя, какъ ты блѣдна! — вскричала баронесса, матерински-заботливо поправляя ей волосы.

— Скажи, что ты меня любишь, Теа! Мнѣ это надо повторять...

— Вотъ кто лучше повторить.

Баронесса граціозно указала на Кетскаго. Тотъ подошелъ къ невѣстѣ, улыбаясь, но улыбка вдругъ замѣнилась испугомъ и тревогою.

— Вы блѣдны, моя Лидіа?

Не нужно было прибавлять ни слова... Только взглянувъ на него, Лидія забыла все, что говорилъ Кальми.]

Но прошла ночь и Лидіа на утро вспомнились слова Кальми. Если бы было кому довѣриться — матери, брату!... Но какъ бы ни вырвать, а вырвать эту занозу нужно. Лидія послала за Кальми. Она молила его во имя всего, что ему дорого, сказать все, что онъ знаетъ о Кетскомъ.

Адвокатъ увидѣлъ, что нельзя ни отговариваться, ни ограждать намеками. Это было дѣло чести. Онъ былъ обязанъ сказать правду дѣвушкѣ, которая просила объ этомъ передъ тѣмъ, какъ рѣшить свою судьбу.

— То, чего вы отъ меня просите, очень серьезно. Не знаю, кто бы на моемъ мѣстѣ взялъ на себя отвѣтственность разбить такую крѣпкую вѣру. Я принимаю эту обязанность. Если бы у меня была сестра и собиралась выйти за Ричарда Кетскаго, я сказалъ бы ей, какъ говорю вамъ, Лидія Вальдора: Кетскій — негодяй.

Онъ готовился, что она упадетъ въ обморокъ. Она сидѣла прямо, опираясь на ручки креселъ, сжавъ губы, раскрывъ глаза, относительно спокойная, и сказала тихо:

— Доказательства!

— Безъ состоянія, привыкъ кутить, жилъ игрой.

— Это не доказательства, — прервала она рѣзко.

— Принужденный выйти въ отставку, въ отчаянномъ поло-

женіи, безъ гроша, опозоренный, онъ пріѣхалъ въ Италію къ своей любовницѣ, баронессѣ фонъ-Штернъ.

— Доказательства!—повторила Лидія, задыхаясь.

— Доказательства будутъ. Покуда рассмотримъ обстоятельства. Съ одной стороны, отчаянный человѣкъ, готовый на самоубійство; съ другой—любовница, которая спасти его не можетъ, не имѣетъ средствъ... И между этими людьми—жертва обмана, предательства...

Лидія сдѣлала движеніе, будто умоляла сжалиться надъ нею. Слишкомъ много разъ выносила она униженія быть любимой изъ-за денегъ, на этотъ разъ вынести не могла. Все это—ужасный сонъ; она старалась очнуться; ей представлялись сцены прошлаго, подробности, казавшіяся неважными, взгляды, условные знаки, волненіе Теа передъ пріѣздомъ Кетскаго, ихъ интимные разговоры...

Она забывалась. Кальми думалъ, что она борется, и хотѣлъ помочь ей рѣшительнѣе.

— Наконецъ, доказательство неопровержимое...

Лидія не дала договорить. Внѣ себя, съ искаженнымъ лицомъ, вся дрожа, болѣзненно, судорожно протянула она руки, какъ утопающій старается ухватиться за доску.

— Не говорите ничего, ничего! Онъ измѣнялъ слову, онъ мошенничалъ, онъ сбѣжалъ, какъ воръ, онъ былъ любовникомъ Теа—я все прощаю. Теперь онъ мой! Кальми, понимаете ли: мой, я люблю его, я хочу его! Какое мнѣ дѣло, чѣмъ онъ былъ? Какое мнѣ дѣло до суда свѣта? Я его люблю.

Она говорила порывисто, умоляла, плакала. Кальми былъ смущенъ, тяготясь своею ролью мучителя. Онъ тихо взялъ ея руки и нѣжно, выбирая слова, чтобъ ей не такъ было больно, сталъ убѣждать ее, что заблуждаться не надо, что Кетскій болѣе и крѣпче, чѣмъ когда-нибудь, связанъ съ своею сообщницей.

— Такъ что-жь вы раньше не говорили?—закричала Лидія, въ мгновенномъ переходѣ страсти набрасываясь съ обвиненіями на Кальми. — Вы ждали, чтобы всѣ узнали о свадьбѣ? Почему вы не явились честно, открыто, публично поддержать ваши обвиненія? Вотъ кто обманщикъ — тотъ, кто не имѣетъ мужества открыто высказать свое мнѣніе, кто ранить изподтишка, какъ трусъ!

Лицо Кальми вспыхнуло. Онъ поднялъ на Лидію свои холодные глаза и отвѣчалъ:

— Припомните, какъ вы приняли мои первыя предостереженія: я не имѣлъ права настаивать. Тогда я зналъ только половину того, что вы называете обвиненіями. Основываясь на словахъ знакомыхъ, которые бывали въ Вѣнѣ въ одномъ кругу съ Кетскимъ, я говорилъ вамъ, что Кетскій — *chevalier d'industrie*, и даже хуже. Надняхъ случай (для васъ не интересный) доставилъ мнѣ всѣ нити этой интриги.

— Объясните,—сказала Лидія, снова овладѣвъ собою.

— Всѣ думаютъ, что баронесса живетъ у себя на виллѣ. Это только отговорка. Она всякій день въ городѣ у Кетскаго отъ двухъ часовъ до шести.

— Въ то время, которое онъ не бываетъ у меня!—просто-нагла Лидія и вдругъ встрепенулась отъ упорной надежды.—Такъ что же? Они родные, они дружны, у нихъ общія дѣла...

— Да, дѣла общія. Но подумайте, еслибъ это были дѣла позволительныя, то ихъ можно бы разбирать и не въ меблированныхъ комнатахъ... Извините, я говорю... безъ покрововъ, которые, мнѣ кажется, ни къ чему.

— Я хочу видѣть!—вскричала Лидія.

— Видѣть? Кого?

— Видѣть ихъ!

— Это было бы самое лучшее доказательство, — поспѣшно сказалъ Кальми,—но чтобы видѣть...

Лидія презрительно засмѣялась.

— О, я не притворяюсь скромницей! Вы меня должны знать: я ни передъ чѣмъ не отступаю. Ведите меня.

— Куда?

— Въ тотъ домъ. Какъ разъ время.

— Но вы не знаете...

— Знаю, знаю... не безпокойтесь.

— Но я хожу туда...

— Воображаю, въ другой компаніи! Что-жь, такъ и быть, принесите сегодня покаяніе. Я еще не такъ безобразна; вамъ меня стыдно не будетъ.

Эта послѣдняя, отчаянная насмѣшка его поразила. Онъ еще пробовалъ отговаривать ее; она бросилась передъ нимъ на колѣни, онъ подхватилъ ее.

— Докажите, или вы—лжецъ! — вскричала она, скрежеща зубами.

— Ъдемте!—сказалъ Кальми.

У подъѣзда дома онъ велѣлъ остановиться наемной каретѣ, въ которой они пріѣхали. Лидія хотѣла выскочить. Адвокатъ все еще надѣялся удержать ее.

— Подождите, васъ увидятъ. Такъ безопаснѣе.

Лидія притихла и скоро заволновалась снова. Она увидѣла, какъ по улицѣ шла Теа, медленно, раскачиваясь, вертя зонтикомъ, сіяя стеклярусомъ.

— Она!—глухо вскрикнула Лидія.

Теа, не оглядываясь, прошла мимо кареты, пріостановилась, осмотрѣлась кругомъ и быстро скрылась въ дверь.

— Онъ еще не проходилъ,—сказала Лидія.

Адвокатъ грустно улыбнулся: она все еще надѣется!

— Онъ тамъ, наверху.

— Такъ идемъ!

— Подождите.

— Идемъ!

Она распахнула дверцу и тащила адвоката. Полуживая, она не взвидѣла ни лѣстницы, ни входа и очутилась въ темной, тѣсной каморкѣ. Кальми заставилъ ее сѣсть и, стоя, держалъ ея руки, будто докторъ, считающій пульсъ пациента.

Изъ-за тонкой перегородки, въ сосѣдней комнатѣ, слышались голоса. Лидія не дышала. Слова отрывочныя, нельзя хорошо слышать. Наконецъ, ясный, слишкомъ знакомый голосъ отчетливо произнесъ по-французски:

— Терпѣніе, душа моя!

— Не довольно ли?—прошепталъ Кальми.

Ногти Лидіи впивались въ его руки. Она, молча, вырвалась, бросилась къ перегородкѣ, прислонилась головой... Станный, глухой голосъ Теа продолжалъ:

— Я не ревную къ этой куклѣ, но ты знаешь, я тебя обожаю...

— Радость моя!—отвѣчалъ Кетскій.

Лидія отшатнулась, какъ-то завертѣлась и упала на руки Кальми, который отнесъ ее въ карету.

Онъ не оставлялъ ее весь день до вечера.

— Благодарю васъ, Кальми, вы очень добры. Я не думала, что вы такъ добры. Но напрасно...

Повторяя «напрасно», Лидія хваталась за сердце, будто поддерживая что-то разбитое. Она лежала, одѣтая, на своей громад-

ной постели на *факелахъ* и *любовныхъ узлахъ* старинного одѣяла. Кальми не зналъ, какъ утѣшить ее, чувствуя, что слова бесполезны предъ этимъ нѣмымъ отчаяніемъ. Иногда, осмѣливаясь, онъ поминалъ о покорности судьбѣ, о мужествѣ... Лидія прерывала его движеніемъ руки, будто возражая на все, что онъ могъ сказать, наконецъ, тихо замѣтила:

— Видите, какъ хорошо тѣмъ, кто привыкъ страдать. Я не привыкла, не могу! Хорошо тѣмъ, кто вѣритъ,—тѣмъ, кто любить! Я не умѣю, не могу! Я любила только его!

— Милая, жизнь велика: утѣшитесь, забудете...

— Я кончила жить.

— Столько еще есть, для чего жить.

— Не для меня. Я все испытала. Для чего покоряться? Изъ-за чего бороться? Нѣтъ у меня идеаловъ, которые бы поддерживали... Нѣтъ даже возможности наслаждаться... вотъ, смотрите: уже сѣдые волосы.

Горькій ли упрекъ эти слова, или осужденіе холодному отрицанію, все разрушающему и не создающему ничего? Онъ склонилъ голову.

Время шло. Лидія спросила:

— Который часъ?

— Десять. Вы хотите отдохнуть?

— Да.

— Завтра потолкуемъ.

Лидія не отвѣчала и встала, шатаясь. За ширмой горѣла свѣча; на столикѣ что-то блеснуло. Лидія присмотрѣлась.

— Вы что-нибудь ищете?—спросилъ Кальми.

— Ничего.

Она проводила его до двери, блѣдная, но спокойная.

— Прибавьте позвать горничную?

— Нѣтъ. Потрудитесь сказать въ передней, что мнѣ ничего не нужно. Благодарю васъ.

Кальми уходилъ. Лидія вернула его, положила ему руки на плечи, почти прислонилась лицомъ къ его лицу и смотрѣла ему въ глаза.

— А было время, вы обо мнѣ очень дурно думали, не правда ли?

— Правда,—отвѣчалъ Кальми, почти довольный, что она занялась другимъ.—Но за то теперь...

— Да, теперь вы меня немножко любите... Поздно!...

На другой день Кальми прибѣжалъ печальный, взволнованный. Всѣ комнаты настезь, слуги въ слезахъ, спальня Лиди обращена въ погребальную часовню, у постели зажжены свѣчи. Въ ногахъ сидитъ донъ Леопольдо безъ слезъ, по-дѣтски тараща глаза.

Она лежала, убранная, на подушкахъ; руки вытянуты, глаза закрыты, волосы распущены, нѣжное личико мраморно - блѣдно. На шеѣ черная лента, застегнутая брилліантомъ.

Служанка приподняла край одѣяла и показала Кальми кровавое пятно на мѣстѣ *ея* сердца. На столикѣ блестѣлъ маленькій револьверъ...
